

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ШОУ

НЕ ДОЛЖНО
ПРОДОЛЖАТЬСЯ

Черная кошка

Николай Леонов

**Шоу не должно
продолжаться (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Шоу не должно продолжаться (сборник) / Н. И. Леонов —
«Эксмо», 2018 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-090244-6

Зверски убит популярный телеведущий Евгений Березин. В последнее время он активно освещал проблему терроризма и даже приглашал на прямой эфир бывших боевиков. Раскрыть преступление поручено полковнику МВД Гурову. Знакомясь с обстоятельствами дела, сыщик пришел к выводу, что желающих избавиться от Березина было немало. Здесь и конкурент по телеканалу, и бывшая жена, недавно ушедшая к другому, и герои его программ... Все эти версии оставались рабочими до тех пор, пока не произошло страшное событие, которое кардинально изменило направление следствия.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090244-6

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Шоу не должно продолжаться	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Леонов, Алексей Макеев

Шоу не должно продолжаться

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Шоу не должно продолжаться

Глава 1

«...Таким образом, выясняется, что никто из нас ни от чего не гарантирован. Мы иногда говорим о борьбе с терроризмом как о чем-то экзотическом, отвлеченном и очень далеком. Как о чем-то таком, что каждого из нас лично не может коснуться. Но в действительности эта угроза гораздо реальнее, чем мы думаем. Террористические сети, как паутина, покрывают мир, и, по сути, никто не может чувствовать себя в полной безопасности...»

Посмотрев вечерние новости, Гуров не стал выключать телевизор. По вторникам шла программа Евгения Березина «Специальный репортаж», где журналист проводил собственные расследования по различным актуальным вопросам современности.

На сей раз его изыскания были посвящены теме терроризма. В репортаже рассказывалось о террористической группировке, имеющей широко разветвленную сеть. По данным Березина, ее подразделения действовали практически в каждом регионе России.

Привлекая в свои ряды мигрантов и гастарбайтеров, этих незаметных тружеников метлы и лопаты, которых меньше всего можно было заподозрить в принадлежности к международным преступным группировкам, организация получала возможность действовать, сохраняя полную конспирацию.

Березину удалось выйти на одну из ячеек этой сети, действующей в столице, и в репортаже он раскрывал основные принципы ее функционирования, а также способы вербовки новых членов.

– Что это ты смотришь? – войдя в комнату, поинтересовалась жена.

– «Специальный репортаж». В Москве снова обнаружили террористов.

– Что за удовольствие смотреть такие передачи, не понимаю. Тебе что, на работе криминала не хватает? Переключи, давай лучше сериал посмотрим.

– Сериал – скучно. А тут сейчас горячее обсуждение начнется. У него после просмотра репортажа всегда бурные дискуссии. Специально приглашает на программу представителей противоположных точек зрения.

– Не знаю, что в этом такого особенно хорошего. Стравливать друг с другом людей только для того, чтобы у программы были высокие рейтинги. Не хочу я его смотреть, этого твоего Березина. Скучно про терроризм. Одни разговоры. Переключай на сериал.

– Ладно, как скажешь.

Репортаж уже закончился, а по поводу дискуссий Гуров был отчасти согласен с Марией. Настоящий профессионал и практик, он, как никто другой, знал, что «одними разговорами» ничего изменить нельзя.

На следующее утро после окончания традиционной планерки генерал Орлов попросил Гурова задержаться. Подобное многообещающее вступление могло означать одно из двух – либо полковник в чем-то провинился, и Орлов не хочет отчитывать его при всех, а предпочитает сделать нагоняй «келейно», либо у генерала имеется очередное «эксклюзивное» задание, с которым никто не сможет справиться, кроме оперуполномоченного Гурова.

Не зная за собой никакой вины, полковник склонялся ко второму варианту и уже через минуту смог убедиться, что не ошибся в предположениях.

– Послушай, Лев, у нас тут ЧП, – осторожно и исподволь начал генерал, будто боясь, что после первых же слов ему придется столкнуться с возражениями. Он хорошо знал, насколько

загружен рабочий день Гурова. – Убит журналист, ведущий популярной передачи. Медийная личность. Дело резонансное, проколов не должно быть. Поэтому решил поручить его тебе.

– Но я...

– Знаю, знаю, знаю, – замахал руками Орлов. – Работаешь двадцать четыре часа в сутки, нет ни одной свободной минуты. Все знаю. Но случай из ряда вон выходящий. К тому же там, кажется, все на поверхности. Не думаю, что расследование займет много времени. Можешь приостановить другие дела. Ненадолго.

– В самом деле? Ладно. Главное, чтобы вы не забыли об этих своих словах, когда будете требовать отчета по этим приостановленным делам.

– Не беспокойся, не забуду. Значит, слушай сюда. Вчера около часа ночи журналист и телеведущий Евгений Березин был...

– Постойте, постойте, – удивленно перебил начальника Гуров. – Минуточку. Как это – Березин? Он ведь только вчера по телику выступал. Программу свою вел. Жив-здоров был, лично могу засвидетельствовать. Эта передача идет в прямом эфире, так что тут ошибки быть не может.

– Выступал, говоришь? Ну вот, похоже, и довыступался. Как раз после этого прямого эфира его и убили. Поджидали в подъезде. Да как еще зверски расправились! Как будто мы в доисторические времена живем и никаких примеров для подражания, кроме скифов с сарматами, у нас не имеется.

– Что, изрезали на куски?

– Почти. Ножом полоснули по шее, да так хорошо – аж голова у него назад откинулась, когда упал. Как только не догадались топор взять да полностью обезглавить. Чтоб уж наверняка.

– Да, способ своеобразный.

– Согласен. Но для нас это скорее плюс, чем минус.

– Оригинальное исполнение точнее может указать на исполнителя?

– Именно. Смотришь прямо в корень. Я уже сказал, что там, похоже, все на поверхности и мотив очевиден. В этой своей последней передаче Березин освещал тему терроризма и, как водится, продемонстрировал собранные им материалы. А в материалах этих речь шла о вполне реальной террористической группе, действующей здесь, в Москве. Уж не знаю, где он раздобыл эту информацию, но, как я понял, там приводились конкретные данные, по которым на эту группу можно было выйти. И, похоже, ребятам это не понравилось.

– Думаете, Березина убили герои его репортажа?

– А кто еще? Все совпадает. И время, и место, и сам этот дикий способ. Кто еще, кроме этих неотесанных горцев, в двадцать первом веке будет гоняться за людьми с ножом и резать глотки?

– Террористы не всегда горцы.

– Дело не в том, как назвать, дело в том, что такие варварские методы практикуют только они. Если бы Березина кто-то «заказал», неужели ты думаешь, что к нему подослали бы человека с кинжалом? Бред! Цивилизованное человечество давно уже научилось пользоваться пистолетом с глушителем. Или на крайний случай прибегать к услугам снайпера. А здесь... каменный век просто. Поэтому я думаю, что мотив здесь очевиден и предполагаемые исполнители известны. Главная сложность в том, чтобы их найти и представить перед лицом правосудия. Вот этим ты и должен будешь заняться в ближайшее время. Сейчас они, скорее всего, предпочтут не высовываться, залягут на дно. Но, по большому счету, это, думаю, не такая уж проблема. Если их нашел обычный тележурналист, тебе, опытнейшему оперу, и карты в руки. Переговори с его коллегами, постарайся узнать, каким способом Березин добывал информацию. Если удастся установить, как он вышел на этих ребят, то и сам сможешь воспользоваться проторенной дорожкой. В общем, действуй, не мне тебя учить.

- Тело уже в морге?
- Само собой. Группа выехала ночью, когда поступил сигнал. Все осмотрели, даже опросили кое-кого. И тело, соответственно, доставили куда следует.
- Кто его обнаружил?
- Жильцы. Точнее, гости жильцов. Компания засиделась допоздна, ушли только во втором часу ночи. На лифте спустились вниз, а там прямо у дверей – подарочек. По-видимому, убийца напал, когда Березин ждал лифт.
- Что ж, логично. Если там есть где спрятаться, предположение вполне вероятное. Перерезанное горло – это, как правило, удар сзади. Возможно, убийца прибыл раньше и засел в укрытии. А когда Березин вошел в подъезд, подкрался и нанес удар.
- Да, наверное. Но подробности – это уже твоя задача. Выяснишь по ходу дела. А сейчас, если задание ясно, можешь прямо и приступить, не откладывая, как говорится, в долгий ящик. Материалы опергруппы, выезжавшей на место, я тебе торжественно вручаю, изучай, делай выводы.
- Орлов открыл один из ящиков стола и вытащил оттуда тоненькую папку.
- Начало, как видишь, положено, твоя задача – успешно продолжить. Действуй!

Взяв папку, Гуров вышел из кабинета начальника и генерала в свой. Очередная «дополнительная нагрузка» не вызвала у него особенного восторга, но спорить с руководством не приходилось.

Сев за стол, он открыл папку и начал просматривать документы.

Оперативники, несмотря на поздний час, сделали все очень добросовестно и в полном соответствии с правилами. Подробное описание места происшествия и положение трупa, опрос свидетелей, фотографии – все это имелось в папке.

Поскольку наглядное изображение всегда лучше словесного рассказа, Лев решил начать с фотографий. Просмотрев их, он понял, почему генерал назвал способ убийства диким.

На снимках был запечатлен человек, лежавший в луже собственной крови недалеко от лифта. Голова его была неестественно запрокинута назад, и разрыв между шеей и подбородком напоминал широко раскрытую пасть неведомого зверя.

Протоколы опроса свидетелей, обнаруживших труп, почти ничего не добавляли к тому, что уже было известно от Орлова. Две девушки и три молодых человека, поздно вечером возвращавшиеся с дня рождения, почти слово в слово повторяли одно и то же. Никаких подозрительных звуков они не слышали, а когда открылись двери лифта, увидели тело и потеряли дар речи.

Опросы семейной пары, у которой они были в гостях, а также разговор с сожительницей Березина, так и неждавшей его в тот вечер, тоже не поражали обилием фактов.

Парень и девушка в отличие от своих друзей, не видевшие кровавой картины, долгое время вообще не понимали, зачем к ним пришла полиция и чего от них, собственно, хотят. А гражданская жена Березина, которой пришлось спуститься вниз, чтобы подтвердить, что убитый – действительно знаменитый журналист, от увиденного пришла в шок и вообще толком не смогла ничего сказать.

Протокол ее допроса был самым коротким из всех, да и те немногочисленные фразы, которые там содержались, были явно отредактированы и подправлены оперативником, чтобы придать им хоть какую-то связность и смысл.

Труп был обнаружен в половине второго ночи, следовательно, по поводу предположительного времени смерти генерал Орлов не особенно ошибался. Учитывая, что передача Березина всегда заканчивалась около полуночи, возле лифта он действительно мог оказаться в районе часа ночи.

Фотографии давали вполне четкое представление о расположении трупа, но по ним нельзя было определить, имелась ли у преступника возможность спрятаться в подъезде и дожждаться прибытия жертвы, оставаясь незамеченным.

Чтобы лучше сориентироваться в том, как произошло убийство, Гуров решил съездить на место.

«Заодно и в морг заскочу, – думал он, запирая кабинет. – Послушаю, что там скажут по поводу времени смерти».

Березин жил в Измайлово, и почти всю дорогу Лев провел в мучительных колебаниях относительно того, стоит ли ему сейчас разговаривать с его сожительницей.

С одной стороны, было бы удобно за один раз сделать два дела, он ведь все равно ехал в адрес. Но с другой – женщина, вполне возможно, еще не оправилась от потрясения, и вместо продуктивного диалога Гуров рисковал услышать невнятицу, наподобие той, что была зафиксирована в ночном протоколе опроса, поэтому, поколебавшись между «за» и «против», он решил визит отложить.

«Заеду через денек-другой, – думал он, паркуясь во дворе. – Пускай успокоится, придет в себя. В конце концов, если это дело рук террористов, навряд ли она имеет к ним отношение».

Знаменитый журналист проживал в обычной многоэтажке, ничем не отличавшейся от тысяч таких же, располагавшихся в многочисленных спальных районах столицы. Застройка не принадлежала к элитным. Не было ни огороженной придомовой территории с охраной, ни камер видеонаблюдения, фиксирующих, что происходит возле подъездов.

Таким образом, дополнительной помощи ждать не приходилось, и Гуров мог рассчитывать только на собственную внимательность и смекалку.

На всех подъездах дома стояли кодовые двери и имелись таблички с номерами квартир, так что нужный подъезд он нашел без особого труда. Когда уже подходил к двери, раздался характерный звук, и она как по заказу открылась, выпустив полную пожилую даму и маленькую девочку, по-видимому, бабушку с внучкой.

«Пока мне везет», – подумал Лев и проскользнул в дверь.

Первое, что он увидел, поднявшись на несколько ступенек, ведущих к площадке перед лифтом, было неправильной формы темное пятно на полу.

Времени прошло достаточно, и пятно уже не было ни красным, ни даже бурым. Человеку непосвященному, возможно, и в голову не пришло бы, что это кровь, но полковник, знавший, что здесь произошло ночью, не сомневался в происхождении пятна.

Припомнив то, что он видел на фотографиях, и сопоставив снимки с реальной картиной, он решил, что первоначальные предположения оперативников вполне обоснованны. По-видимому, удар действительно был нанесен сзади, когда Березин ожидал прибытия лифта.

Эту версию подтверждала и конфигурация лестничных клеток.

Лестница как таковая находилась в изолированном отсеке, куда с площадки перед лифтом вела дверь. Расположена она была так, что человек, стоявший лицом к лифту, оказывался к этой двери спиной.

Таким образом, если бы кто-то хотел спрятаться возле лифта и подкараулить приподнявшегося жильца, у него были все возможности для этого.

Подойдя к двери, Гуров обнаружил, что она просто прикрыта и не имеет замков. Петли не скрипели, открывалась и закрывалась дверь совершенно бесшумно. А если учесть звук прибывающего лифта и общее состояние Березина, наверняка уставшего после позднего эфира и меньше всего думавшего о том, что его могут подкарауливать в подъезде, становилось понятным, что условия для совершения нападения складывались почти идеально.

Лев вышел в лестничный отсек, прикрыл за собой дверь и попытался представить себя на месте преступника.

Как преступнику, ему здесь было вполне удобно. В небольшую щель, которую он оставил, не до конца закрыв дверь, площадка перед лифтом отлично просматривалась, а оценив расстояние, он понял, что для того, чтобы нанести удар стоявшему на этой площадке человеку, нужно сделать всего лишь пару шагов.

«Полсекунды, – мысленно подытожил полковник. – Ответная реакция не предполагается в принципе. Разве что если бы Березин по совместительству работал в спецназе ГРУ. Для этих ребят и полсекунды – время. А для остальных...»

Судя по тому, что произошло, журналист, по-видимому, принадлежал все-таки к «остальным». И если человек, подкарауливший его здесь, был членом террористической группы и проходил соответствующую подготовку, ему легко было разделаться с рядовым жителем.

«Да, место выбрано практически идеально, – вновь подумал Гуров. – Причем, чтобы сделать этот выбор, преступнику не пришлось прикладывать никаких особых усилий. Не нужно было изучать личные контакты и маршруты передвижений или как-то уж особенно пристально отслеживать режим дня. Достаточно было просто узнать, где живет Березин и во сколько он предположительно возвращается с эфира. А такие данные не представляют никакой военной тайны и находятся, как говорится, в открытом доступе. Передача идет по телевизору, адрес можно узнать, просто проследив за журналистом после работы».

Сделанные выводы проясняли, как действовал преступник, но ничего не говорили о его личности. По сути, все эти несложные манипуляции мог проделать любой. И террористы, которых «засветил» Березин в своей программе, и тайный недоброжелатель, и злобный конкурент, вынашивающий планы кровавой «вендетты».

Достаточно характерным и «личностным» был лишь сам способ осуществления убийства. Но в отличие от генерала Орлова Гуров не считал, что этот факт так уж однозначно указывает на террористов. Профессионально занимавшиеся массовыми убийствами члены подобных организаций как никто были осведомлены о современных видах вооружения и в том числе о пистолетах с глушителями. И хотя в своей «работе» они не брезговали ничем, даже поножовщиной, это нельзя было считать характерным только для данной категории преступников.

Ножи нередко использовались и в бытовых стычках, и при выяснении отношений в воровской среде. Если преступник действовал не сам по себе, а был нанят для исполнения «заказа», он вполне мог принадлежать к одной из бандитских группировок и совсем необязательно входил в террористическую группу.

Следующим пунктом назначения, куда собирался отправиться Гуров, был морг. Если верить Орлову, тело Березина доставили туда еще ночью, и он рассчитывал, что предварительные заключения о времени и причинах наступления смерти уже сделаны.

Впрочем, о причинах Лев догадывался и сам.

В морге молодой парень, которого выделили ему в качестве проводника, не умолкал ни на минуту. По-видимому, он недавно работал здесь и сейчас, сопровождая полковника в помещение, где находились тела, оживленно делился впечатлениями:

– Да, полоснули его от души. Трахею вскрыть – это вам не шуточки. Похоже, парень кому-то насолил не по-детски.

– А кроме разреза на шее, еще имеются повреждения? – спросил Гуров. – Гематомы, ссадины?

– Нет, все чисто. Похоже, злодей подкрался незаметно. Тот и сообразить не успел, что произошло.

– Удар сзади?

– Конечно. Спереди был бы колющий. А здесь разрез. Причем глубокий. Даже по тому, с какой силой сделан, уже понятно. Спереди так не приложишься.

– Неудобное положение?

– Конечно. При ударах спереди роль играет размах, а вот сзади – именно сила. Нажим. То есть если удар сделан ножом, я имею в виду.

В помещении, где находились ячейки с телами, парень выдвинул один из железных ящиков:

– Вот он. Во всей красе.

Тело Березина было обнажено, и в целом то, что сейчас видел перед собой полковник, немногим отличалось от картин, запечатленных на фотографиях. Только яснее стало, насколько глубоким в действительности был порез. Еще немного, и рана обнажила бы шейный отдел позвоночника.

Других повреждений на теле действительно не было, и версия о том, что нападение произошло внезапно, в очередной раз подтвердилась.

– Можно что-то сказать по поводу ориентировочного времени смерти? – спросил Гуров.

– Около часа ночи, – с готовностью ответил парень, будто только и ждал этого вопроса. – Из перерезанной артерии кровь вытекла почти мгновенно, так что он, можно сказать, не мучился.

Осмотр трупа дал возможность добавить в копилку пока немногочисленных сведений об убийце еще некоторые характеристики.

Судя по всему, этот человек обладал не только недюжинной физической силой, но и определенной сноровкой. Независимо от того, получил ли он «заказ» или действовал по собственной инициативе, обдумывая, каким именно способом совершить это преступление, он, конечно же, мог выбирать из нескольких вариантов. И тот факт, что выбрал именно такой способ, а не другой, возможно, совсем не случаен.

Из морга Гуров поехал на телестудию.

Фактов в его распоряжении было пока немного, и он не спешил выдвигать версии. Но предположение о том, что преступником мог оказаться один из героев вчерашнего репортажа, казалось вполне вероятным, и Лев надеялся, что разговор с коллегами и руководством даст немало полезной информации и позволит прояснить этот вопрос.

Первым делом он направился к директору канала.

– Боюсь, что ничем не смогу вам помочь, – с первых же слов обескуражил его представительный мужчина с крупными чертами лица и длинными, почти до плеч, волосами. – Мы доверяем профессионализму своих сотрудников и не вмешиваемся в их работу. Творческий процесс – вещь тонкая, и мы не считаем правильным указывать нашим журналистам, как им лучше вести свои передачи. Тем более таким асам, каковым был Женя. Его программа имела стабильно высокие рейтинги, аудитория все время росла, так с какой же стати мы стали бы вмешиваться в этот процесс? Как говорится, ученого учить – только портить. В этом плане на канале очень демократичная политика. Каждый должен заниматься своим делом. Администрация – организационными вопросами, сотрудники – творчеством.

– То есть из каких источников Березин мог почерпнуть информацию для своего последнего репортажа, вам неизвестно? – уже предугадывая ответ, спросил Гуров.

– Разумеется, нет. Скажу вам даже больше: навряд ли это вообще могло быть известно кому бы то ни было, кроме самого Жени. Вы ведь понимаете, жанр, в котором он работал, предполагает сохранение секретности и, скажем так, соблюдение определенной конспирации. Поэтому совершенно естественно, что он предпочитал не распространяться о своих источниках.

– Насколько вероятно, по-вашему, предположение о том, что журналиста могли «заказать» герои его репортажей?

– О, это... это, наверное, самый сложный и неоднозначный вопрос, – озабоченно сдвинул брови директор. – Конечно, в передачах Женя затрагивал довольно острые темы, собственно, в этом и заключалась главная причина интереса к его репортажам. Но здесь, как говорится, палка о двух концах. Стремление заинтересовать зрителя иногда может вступать в противоречие, так сказать, с личной безопасностью. Вполне допускаю, что работа Жени могла вызвать чье-то неудовольствие. Ведь он порой открывал довольно нелюбимые тайны, выводил на чистую воду мошенников и дельцов, которые, конечно же, предпочли бы скрыть от общественности свои грязные делишки. Так что... ничего нельзя исключать.

– То есть, если я правильно понял, к убийству мог быть причастен кто-то из действующих лиц его последнего репортажа? Ведь здесь он ни много ни мало разоблачает террористическую группу.

– Ничего нельзя исключать, – вновь повторил директор.

– Какими были взаимоотношения Березина с коллегами? Бывали у него трения, конфликты? Или, может, кто-то просто завидовал? Ведь Березин был успешным журналистом, узнаваемой, популярной личностью. Вы допускаете, что случившееся могло быть результатом проявления чьей-то черной зависти?

– Вот уж нет! – Реакция директора казалась совершенно искренней. – Подобное предположение рассматривал бы в последнюю очередь. Я понимаю, вам, конечно, необходимо проверить все версии, и возможные, и невозможные, но мне, как руководителю коллектива, такие подозрения кажутся просто абсурдными. У нас очень дружная бригада и доброжелательные люди. Успехам коллег в нашем коллективе принято радоваться, а не завидовать, и уже тем более до такой степени, чтобы решиться на убийство. Вы, конечно, вправе строить гипотезы, но это... это просто не про нас.

– Понятно. Значит, предположение о том, что эта трагедия явилась следствием профессиональной конкуренции, кажется вам наименее вероятным?

– Абсолютно невероятным! Абсурдным! – еще раз с чувством подтвердил директор. – Впрочем, вы легко можете убедиться в этом сами. Поговорите с коллективом, пообщайтесь с группой Евгения. Думаю, вы без труда поймете, что внутренние взаимоотношения у нас самые доброжелательные.

– С удовольствием последую вашему совету, – с готовностью произнес Лев, который, собственно, за этим сюда и пришел. – Где я могу найти группу?

– Зайдите в семьсот пятнадцатую комнату, это у них что-то вроде штаб-квартиры. Думаю, там сейчас все. Правда, не знаю, насколько они готовы будут адекватно общаться. Ведь все произошло буквально несколько часов назад, эмоции наверняка зашкаливают. Впрочем, возможно, это и к лучшему. По крайней мере, вы узнаете, каковы в действительности взаимоотношения в коллективе, и, возможно, откажетесь от мыслей об убийстве из мести.

Спустившись с десятого этажа, где располагалась администрация, на седьмой, Гуров направился в комнату № 715.

По дороге он никак не мог отделаться от ощущения, что ему озвучили некую официальную версию, предназначенную для «демонстрации». При всей открытости директора и его готовности идти на контакт в общении с ним четко чувствовались границы, за которые не проникнуть никому из «посторонних», даже если этот посторонний – оперуполномоченный по особо важным делам, расследующий убийство одного из ведущих журналистов его телеканала.

Пафосная речь о разоблачительной деятельности Березина, не щадящего и жизни самой, лишь бы добыть для телезрителей очередной сенсационный материал, настойчивое подчеркивание чуть ли не идеальных отношений в коллективе – все это больше напоминало некую презентацию, чем искренний разговор.

Вежливо постучав, Гуров открыл дверь в семьсот пятнадцатую комнату и с первого взгляда понял, что здесь действительно все. Его это никак не устраивало, ведь обычно на открытости человек пускается только при разговоре тет-а-тет.

– Добрый день, – приветливо поздоровался он. – Разрешите представиться, Гуров Лев Иванович, полковник полиции. – Он развернул удостоверение, показывая сразу всем, и продолжил: – Я провожу расследование убийства Евгения Березина. Здесь, как я понимаю, собрались ближайшие коллеги?

– Да, – коротко произнес невысокий мужчина, молодой, но уже заметно лысеющий.

– Отлично. Мне необходимо будет поговорить с вами. Точнее, с каждым из вас в отдельности. Здесь есть какое-то помещение, где можно было бы побеседовать?

– Да что же... Можно прямо здесь, – всполошилась миниатюрная курносенькая брюнетка неопределенного возраста. – Устраивайтесь, располагайтесь. А мы можем и в операторской посидеть. Да, ребята?

Уже в кабинете директора Гуров начал испытывать ощущение некой натянутости, неестественности происходящего. И сейчас оно только усилилось.

Его появление, конечно же, было неожиданным для коллег Березина, и подсознательно он надеялся извлечь из этого дополнительную пользу и точнее определиться с главным направлением поисков.

Обрывки фраз и недоговоренности, даже выражения лиц – все могло неявно дать подсказку, какая версия обсуждается в коллективе: нападение разоблаченных террористов или личные неурядицы.

Но, вопреки ожиданиям, никакого сверхактивного обсуждения недавней трагедии не было. На лицах читалось лишь вопросительное недоумение, и присутствующие явно затруднялись с тем, как относиться к происшедшему.

Курносенькая брюнетка хлопотливо вскочила с дивана, заботливо придвинула стул к небольшому столику, приглашая его сесть, и Гуров вновь увидел в этом странную фальшь и игру.

«Выстиляется так, как будто чей-то кошелек украла», – любезно улыбаясь и благодаря, подумал он, а вслух произнес:

– Спасибо, вы очень добры. Так неудобно беспокоить вас всех, но, думаю, вы понимаете, дело не терпит отлагательств.

– О да, разумеется, – многозначительно посмотрела на него курносенькая. – Никакого беспокойства, уверяю вас. Наоборот. Все мы просто поражены случившимся и, конечно, заинтересованы в том, чтобы найти этих негодяев. Будем только рады помочь, хотя... не знаю, сможем ли.

– Я не очень разбираюсь в тонкостях телевизионного дела, но, если не ошибаюсь, при подготовке репортажа имеет место и кабинетная работа, и непосредственные съемки, так сказать, «в поле». Сначала мне бы хотелось поговорить с теми, кто принимал участие в них. Монитореры и прочие специалисты, которые работают с уже готовым материалом, будут следующие в «очереди».

– Отлично, как скажете, – легко согласилась она. Ее решительные манеры и уверенный тон не оставляли сомнений в том, кто здесь главный. – Может быть, тогда с тебя и начнем, Ваня? – обратилась брюнетка к лысеющему мужчине. – Дай мне ключи, мы посидим у тебя, а ты пока тут... побеседуешь. Это Иван Неклюдов, наш оператор, – повернувшись к полковнику, представила она. – Точнее, оператор Жени. Они с самого начала вместе. Он практически все его репортажи снимал.

Ни слова не говоря, Неклюдов протянул курносенькой ключи, и под ее предводительством присутствующие покинули комнату.

– Решительная женщина, – чуть усмехнувшись, кивнул вслед Гуров.

– Лиля, наш администратор, – коротко и серьезно ответил Неклюдов.

– А, вот оно что. Тогда понятно. Что ж, присаживайтесь. Побеседуем, как сказала ваша Лиля. Не буду скрывать от вас, что в качестве одной из основных версий происшедшего выступает профессиональная. Евгения убили, когда он возвращался с репортажа, где назывались довольно конкретные координаты некоего террористического подразделения. Есть предположение, что ему отомстили за то, что он рискнул дать такую информацию в эфир. Что вы об этом думаете? Оно имеет под собой основания?

– Наверное, – без энтузиазма ответил Неклюдов. – Мне трудно судить.

– Но ведь вы непосредственно участвовали в процессе. Я смотрел репортаж. Там называются конкретные адреса и фамилии, указано место, где живут и работают эти люди. Все это снято на пленку, и, если я правильно понимаю, снято именно вами. Ведь вы оператор группы.

– Да, но... Дело в том, что я... – Неклюдов был явно растерян и с трудом подбирал слова. – Я действительно только снимал. В таких случаях всю предварительную подготовку проводил Женя: он встречался с людьми, договаривался, назначал время и место съемок. Я только приходил на это место и делал свою работу.

– Даже если и так, все равно вы находились с этими людьми в самом непосредственном контакте и могли составить о них определенное мнение. Как они держались, как себя вели. Агрессивно, настороженно, или, может быть, им, наоборот, доставляло удовольствие, что их покажут по «ящику»? Было ли в их поведении что-то такое, что наводило на мысль о скорой и жестокой «вендетте»? Все-таки немного странно, когда люди сначала соглашаются на съемку, а потом убивают того, кто показал их в телевизионной передаче.

– Да, действительно. – Казалось, парадоксальность ситуации ничуть не удивляет Неклюдова. – Но... я не могу объяснить это. С ними разговаривал Женя. Я не знаю, какие он приводил доводы и почему они согласились. Может быть, он не выполнил какие-то их условия или... Не знаю. На съемках они вели себя нормально, ничего особенного я не заметил. Да и некогда было, честно говоря. Я ведь тоже не в потолок плевал в это время. Нужно было делать все быстро, за короткий срок отснять как можно больше материала. Мы ведь... приходилось действовать, так сказать, «партизанскими» методами, поэтому на эмоции и всякие там наблюдения за тем, кто и как себя ведет, отвлекаться было некогда.

– Понятно. А при подготовке подобных «партизанских» репортажей вы вообще никогда не участвовали в предварительных переговорах, или исключения все же бывали?

– Почти никогда. У Жени были свои каналы, и, сами понимаете, когда речь идет о чем-то не совсем законном или общественно полезном, никто не захочет лишний раз «светиться».

– Как это «общественно полезном»?

– Ну например, когда поднимаются вопросы загрязнения окружающей среды или технологии изготовления некоторых продуктов питания.

– Кто знает, из чего делают колбасу, уже никогда не будет спокойно спать? – усмехнулся Гуров.

– Да, в этом роде, – вновь и без улыбки подтвердил Неклюдов. – Людям интересны такие темы, а производители не особенно спешат делиться секретами. Это их кровный интерес, ведь, если они начнут делать колбасу из мяса, на следующий день разорятся все до единого. И тем же недовольным гражданам, в общем-то, станет нечего есть. Но вопрос актуальный, рейтинговый, так сказать, и Женя искал подходы, договаривался. У него почти всегда получалось.

– Как и в этот раз?

– Да, и в этот раз тоже. Я не знаю, о чем там шла речь, на этих предварительных встречах, но, думаю, все, что касается личных интересов и «конспирации» участников, оговаривалось достаточно подробно. По крайней мере, у нас еще ни разу не было претензий. Если ты не хочешь, чтобы то-то и то-то шло в эфир, никто не мешает предварительно об этом сказать. Но чтоб так... Не знаю. Так еще никогда не было.

– А если отвлечься от версии с террористами? Какие взаимоотношения были у Евгения с коллективом? Враги, завистники? Кто-то из ближайшего окружения Евгения или, может быть, из конкурирующих программ мог до такой степени ненавидеть его, чтобы... решиться на подобное? И вообще, что он был за человек?

Теперь на лице оператора читалось неподдельное удивление. Похоже, подобная мысль оказалась для него совершенно неожиданной.

Гуров, внимательно следивший за мимикой собеседника, видел, как удивление постепенно сменяется сосредоточенностью и попыткой решить для себя очень непростой вопрос. Казалось, Неклюдов вслед за полковником не на шутку озадачился этой темой и мучительно пытается понять: «А и в самом деле – мог бы?»

– Не знаю, – наконец произнес он, больше рассуждая с самим собой, чем обращаясь к Гурову. – Вообще Женя – человек неконфликтный. То есть такое, чтобы он сам, как говорится, «нарвался», это вряд ли. Но, с другой стороны... Завидовали, конечно. Взять того же Антошу из «Независимой экспертизы». Уж как только он не изощряется, рейтингами недотягивает, так хоть сплетней уесть. Хотя насчет убийства... Не знаю.

– Что за Антоша? – наострил уши Лев.

– Антон Щеглов. У него передача на параллельном канале, «Независимая экспертиза» называется. Он позже нас запустился, тематика, как говорится, схожая. Была бы книга или фильм, назвали бы плагиатом, а так...

– Конкурент.

– Да, в этом роде. До нашего уровня недотягивает, конечно, но очень хочется. Поэтому и рассказывает всякие басни. Так что это, можно сказать, выраженный наш недоброжелатель. Хотя не думаю, что он способен на убийство. Да и причина какая-то несерьезная получается. У него, в общем-то, тоже неплохие рейтинги, пускай и не такие, как у нас. Неужто из-за пары лишних голосов... Не знаю.

– Что ж, если я правильно вас понял, получается, что Евгений Березин – человек вполне успешный. С программой у него полный порядок, с коллегами он ладит, с людьми, которые ему интересны как герои будущих репортажей, всегда может договориться. В личной жизни все так же блистательно?

– В личной? Да, в общем-то, тоже нормально. Правда, он развелся недавно, но, кажется, без особых проблем. Хотя я не так близко знаком. Его жена у нас раньше администратором работала. Теперь Лиля на ее месте.

– Из-за нее произошел развод?

– Нет, что вы, – впервые за весь разговор усмехнулся Неклюдов. – Он к Свете ушел. Света Алова, гримерша. После развода Марине пришлось переехать, потому что квартира принадлежала Жене.

– Марина – бывшая жена?

– Да. Ну, одна жена съехала, другая заехала. Свято место пусто не бывает. Теперь вместе живут. Точнее, жили.

Разговор с оператором все больше склонял Гурова к мысли, что из версий, которые на данный момент можно обозначить, наиболее вероятной все-таки остается версия с героями репортажа.

Предположение о том, что журналиста мог «заказать» коллега, программа которого имела более низкие рейтинги, сразу показалось ему несостоятельным, да и личные неурядицы не очень-то тянули на мотив для такого серьезного преступления, как убийство.

«Квартира? – подумал он. – Но если он был разведен, бывшая жена навряд ли могла претендовать на нее как наследница. Хотя поговорить с этой Мариной тоже, пожалуй, не мешает».

– Вы сказали, что бывшая жена Березина работала в группе администратором. А где она сейчас?

– У Антоши, – снова усмехнулся Неклюдов, на этот раз едко и иронично. – Такая вот «страшная месть».

– Вот оно как. Переметнулась к конкурентам?

– Да. Наверное, думала, что у нас и программа сразу развалится, стоит ей уйти. Но ничего, как-то выкрутились. Незаменимый у нас только Женя. – Сказав это, Неклюдов снова нахмурился, по-видимому вспомнив, что этого «незаменимого» больше нет.

– А что, программу теперь действительно могут закрыть? – поинтересовался Лев.

– Не знаю, – медленно произнес оператор. – Это будет решать руководство. Рейтинги были хорошие, может, и оставят. Но без Жени... Не знаю.

Закончив разговор, Гуров попросил Неклюдова пригласить «следующего по списку», и через несколько минут перед ним сидела молоденькая блондинка, представившаяся как помощник оператора.

– Элина. Элина Солнцева, – торопливо, как бы запыхавшись после быстрого бега, говорила она.

– Что вы можете сказать о последнем репортаже? Как проходили съемки?

– Съемки? В каком смысле? Обычно проходили. Приехали на место, разместили аппаратуру. Ничего особенного.

– Тема довольно специфичная. Вам приходилось соблюдать «режим секретности»?

– Секретности? В каком смысле? Нет, ничего такого не помню. Как обычно, приехали, разместили аппаратуру. Еще на улице снимали. Из машины и так. Спокойно ездили, без всякой секретности.

– В репортаже есть несколько интервью, когда герои рассказывают о том, что привело их на такую дорогу и побудило вступить в организацию. Как, по-вашему, они говорили искренне? Вообще эти люди охотно согласились сотрудничать?

– В каком смысле «охотно»? Я к ним в душу не заглядывала. Да и вообще мне не до того было. Когда через каждые пять секунд тебя дергают, принеси то, подай это, и без того голова кругом идет. Так что я не заморачивалась, искренне они там говорили или неискренне. Это Березина проблемы, чтобы правдоподобно выходило, а у меня и своей работы хватает.

Слушая ее, Гуров внутренне насторожился, вспомнив слова оператора.

Неклюдов ясно указал и даже акцентировал, что съемки репортажа проходили в экстренных, «партизанских» условиях, что действовать нужно было быстро и по возможности незаметно. В то же время Элина, наоборот, утверждала, что все проходило спокойно, «без всякой секретности».

«Занятное расхождение, – думал он. – Интересно, чем оно обусловлено? Только тем, что девушка элементарно не в курсе, или здесь что-то посерьезнее? Может быть, эта чрезвычайная секретность и экстренность условий работы использованы лишь как уважительная причина? Если оператор не хотел распространяться о том, как вели себя герои репортажа, нужно же было ему сослаться на что-то, дать какой-то внятный ответ, почему он не имел возможности за ними наблюдать. Вот он и дал».

Лев надеялся, что прояснить этот пункт поможет дальнейший опрос членов съемочной группы Березина. Но надежды эти не оправдались.

Элина Солнцева была первой и последней, чьи показания отличались от того, что рассказал оператор.

Начиная с бойкого парня, явившегося после нее и сообщившего, что он осветитель, все до единого собеседники давали ответы, будто списанные под копирку со слов Неклюдова. Все упирали на чрезвычайную секретность, никто понятия не имел, каким образом и с кем именно Березин договаривается о съемках, все приходили на площадку исключительно к началу работы и ни секундой раньше, и во время этих съемок все до такой степени были

погружены в свою работу, что у них и секунды лишней не было, чтобы отвлечься и поинтересоваться, о чем, собственно, идет речь и на какую тему снимается очередной репортаж.

«Понятно, – резюмировал Гуров, поставив точку в последнем протоколе, как две капли воды похожем на предыдущие. – Девочке, которая отправилась ко мне сразу после него, Неклюдов не успел сообщить о содержании разговора, но остальные были проинструктированы во всех подробностях. Ребята явно и очень усердно стараются, чтобы в их показаниях не было зафиксировано «разногласий». Но что за этим скрывается, хотел бы я знать? Надеюсь, не то, что известный журналист был убит в результате заговора, организованного его собственной съемочной группой?»

– Могу я попросить вас о небольшом одолжении? – спросил он сидевшую перед ним Лилю.

Поняв, что официальная часть закончилась и полковник больше не будет фиксировать на бумаге ее ответы, она облегченно вздохнула и заулыбалась:

– Да, разумеется. Если смогу вам чем-то помочь, буду очень рада.

– Мне бы хотелось получить запись этого репортажа. Если не трудно, сделайте, пожалуйста, копию. На диск или флешку. Это возможно?

– Да, конечно. Никаких проблем. Все материалы у Вани, я сейчас скажу ему, и он все организует. Вопрос нескольких минут.

– Буду вам очень признателен.

Лиля оказалась отличным администратором и вопрос действительно решила довольно оперативно. Прошло не больше десяти минут после ее ухода, когда дверь снова открылась, и в комнате вновь появился Неклюдов.

– Вот, пожалуйста, – проговорил он, протягивая Гурову диск с записью. – Лиля сказала, что вы просили. Здесь вчерашняя передача. Я закачал полностью и репортаж, и обсуждение.

– Отлично. Спасибо, Иван.

Гуров положил диск в кожаную папку, где уже лежала небольшая стопка близнецов-протоколов, и следом за Неклюдовым покинул комнату семьсот пятнадцать.

Глава 2

Завершив не слишком результативное общение с ближайшими коллегами Березина, Лев не спешил уходить с телестудии.

Помня, что говорил Неклюдов о происках конкурентов, он решил разыскать Антона Щеглова.

В коридорах было довольно людно, Гуров даже заметил несколько знакомых лиц, ежедневно появлявшихся на экранах. Но обращаться к ведущим популярных телепрограмм со своим насущным вопросом он не стал. Взгляд выхватил в толпе озабоченно спешащую куда-то девушку, чем-то напоминающую Элину Солнцева, и он, не менее торопливо и озабоченно, проговорил:

– Не подскажете, где съемочная группа «Независимой экспертизы»? Мне нужно...

– Они на четвертом, – не останавливаясь, бросила девушка и тут же скрылась за одной из бесчисленных дверей, располагавшихся на этаже.

Спустившись на четвертый этаж, Гуров сразу увидел висевшую на двери табличку «Независимая экспертиза».

Из-за двери доносились оживленные и довольно громкие голоса. Очевидно, шло бурное обсуждение какого-то вопроса.

– ...да не смей ты меня, умоляю, – пренебрежительно и даже с некоторым презрением говорил мужской голос. – Кому бы он сдался, заговоры против него организовывать. Вите Пахомову или Гене Кольцову? Так они, наоборот, заинтересованы, чтобы он жил и здравствовал как можно дольше. Кто еще их возьмет с их гениальными способностями? А тут какие-никакие, а денежки капаят.

– Но ведь там рожи все до единой нерусские были, – возражала женщина. – При чем здесь Кольцов?

– Ну, не Кольцов, так еще кто-нибудь. Думаешь, так сложно с нерусской рожей кого-нибудь подобрать? Да зайти на любой кастинг, там красавцев этих – пруд пруди. И русских, и нерусских. Всяких. Так что, если...

Разговор заинтересовал полковника чрезвычайно, и он готов был слушать хоть до вечера. Но в этот момент из дальней двери кто-то вышел в коридор, и ему пришлось прервать свое увлекательное занятие.

Прежде чем войти, он предупредительно постучал, и оживленная беседа за дверью тут же смолкла.

– Добрый день, – вежливо проговорил Лев, заглядывая в комнату. – Могу я поговорить с Антоном Щегловым?

Перед ним было помещение, чем-то напоминавшее «штаб-квартиру» «Специального репортажа». В небольшой комнатке стоял стол с компьютером, шкаф с бумагами, диван, два кресла и несколько стульев.

За столом сидел рыжеватый мужчина, на диване – две женщины, еще трое мужчин расположились на стульях.

Компания, по-видимому, неплохо проводила время, и появление незнакомца, прервавшего этот процесс, особого энтузиазма ни у кого не вызвало.

– А вы, собственно, кто? – спросил мужчина, сидевший за столом, и Гуров сразу узнал голос, который только что слышал, стоя в коридоре.

Он молча подошел к мужчине и показал развернутые «корочки».

– Ого! – сделал большие глаза тот. – Круто! Подождите, я угадаю. Вы насчет Жени?

– Точно.

– Так это не к нам, его бригада на седьмом этаже квартирует.

– Спасибо, я в курсе. С его бригадой я уже пообщался. Теперь хотелось бы поговорить с вами как с ближайшим коллегой и человеком, работающим по аналогичному направлению.

– Не знаю, что в наших направлениях аналогичного, – сразу ошетинился Щеглов. – Мы работаем честно. В отличие от некоторых. Если уж снимаем программу, то без подстав, с реальными фигурантами. Да, Марина? – обратился он к одной из двух женщин, сидевших на диване, – довольно эффектной темной шатенке.

– Ладно, Антон, вы тут поговорите, а мы пойдем, пожалуй, – вместо ответа сказала она. – Да, ребята? Пойдемте, у Нэли посидим.

Все, кроме сидевшего за столом Щеглова, снялись с мест и направились к двери.

Гуров не возражал. Он сразу понял, что шатенка – та самая бывшая жена Березина, которая в виде «страшной мести» переметнулась в стан конкурентов. Но задерживать ее не стал. Версия с личным мотивом казалась ему наименее вероятной из всех, но даже если бы к Марине у него возникли вопросы, теперь он знал, где сможет ее найти.

– Что значит «без подстав»? – спросил Гуров, когда они остались вдвоем со Щегловым?

– А то и значит. Если снимаешь документальный репортаж, то и снимай документальный. А если решил в кинорежиссеры податься, то иди на киностудию и не выдавай свое фуфло за журналистское расследование.

– Вы хотите сказать, что репортажи Березина были постановочными?

– А вы думали – натуральными? – косо усмехнулся Щеглов. – Да нет, знаете ли. Чтобы реальное журналистское расследование провести, это, знаете ли, побегать надо. Да и как еще побегать. Побеспокоить себя, похлопотать. И людей найти, и факты достоверные отыскать, и разрешения на съемку добиться. Это, знаете ли, времени требует. Да и нервов немало. По себе знаю. А Женя, вундеркинд наш гениальный, чуть не каждую неделю сенсацию на-гора выдавал. Правильно, при таких темпах, когда ж качественный материал сделать успеть? Вот и приходилось ему, бедному, выкручиваться. Но публика ничего, хавала. Рейтинги как на дрожжах росли.

– То есть, если я вас правильно понял, есть вероятность, что действующие лица его последнего репортажа были приглашенными актерами? – удивился такому неожиданному повороту Лев.

– И даже очень большая вероятность, – снова саркастически усмехнулся Щеглов. – Если спросите меня, то я вам скажу, что даже и стопроцентная. Вы сами подумайте. Ну какой дурак на весь свет будет объявлять, что он – террорист? Причем не бывший, не раскаявшийся, а ныне действующий, которого вот-вот «на задание» pošлют? Это же значит – просто с потрохами сдать и себя самого, и подельников, и, так сказать, самолично подставить руки, чтобы на них зацелкнули наручники.

– Но ведь в репортаже эти люди говорят, что не по своей воле идут на задание. Возможно, это их крик о помощи, желание использовать хоть какой-то шанс, чтобы вырваться из-под власти людей, которые заставляют их этим заниматься, желание освободиться от зависимости.

– Да не смешите вы меня, умоляю! Нужно быть последним дураком, чтобы о подобных желаниях кричать на весь мир по телевизору. А если эти их главари нечаянно посмотрят передачу? Программа-то рейтинговая. Где они тогда будут со всеми своими желаниями?

– Так что же, получается, что весь этот репортаж – не более чем любительское кино? – с сомнением спросил Гуров.

– Ну, не весь, наверное, – как бы оценивая процент подлинности, задумчиво проговорил Щеглов, – но что в большей части – наверняка. Делается очень просто. Издалека вам показывают дом, где, чем черт не шутит, возможно, и впрямь притаилась тайная террористическая ячейка. А потом, без всякого перехода, вы уже видите внутренность какой-то квартиры и каких-то людей в ней. Предполагается, что вы «клюете» на этот незатейливый приемчик и пребываете в твердой уверенности, что квартира – в том самом доме, который вам сейчас

показывали, а в квартире – те самые «террористы», о которых вам рассказывали. Хотя в действительности это может быть какая угодно квартира и какие угодно люди. Сколько там у него реальных фактов, а сколько придуманных, это, конечно, сказать сложно. Но что постановками Женя не брезговал, это все знают. Вы же сейчас мне сказали, что разговаривали с людьми из его группы. Что ж они, не открыли вам свою главную тайну?

– Нет, не открыли.

Теперь Гуров начал понимать, что в действительности скрывала под собой эта удивительная согласованность в показаниях. Похоже, дело было вовсе не в том, что ближайшие сотрудники составили заговор против своего идейного руководителя. Просто им не хотелось, чтобы вышла наружу неприглядная изнанка создания одной из самых рейтинговых программ. Зачем очернять память товарища? Да и самим им еще работать. А то, что было за кадром, пускай за кадром и останется.

– В целом неудивительно, – между тем продолжал Щеглов. – Зачем им полоскать перед всеми свое грязное белье? Только имидж портить. Женю уж не вернешь, а им теперь как-то выкручиваться надо. Может, вообще новую работу придется искать. Одно дело, когда ты из самой популярной программы в силу обстоятельств уйти вынужден, а другое, когда на весь свет тебя халтурщиком ославили. Кому это надо?

– Да хотя бы тому же Березину, – жестко произнес Гуров. – Недостоверная информация вводит в заблуждение следствие, и из-за чьих-то неоправданных тревог по поводу своего имиджа мы можем потратить время на проверку необоснованных версий. Или в том, чтобы найти убийцу, уже никто не заинтересован?

Эта незатейливая и довольно очевидная мысль настолько поразила Щеглова, что он, казалось, потерял дар речи. По-видимому, только сейчас пришло ему в голову, что участвовавшие в репортаже террористы, наиболее «естественные» кандидаты на роль убийц, в действительности были вовсе никакими не террористами, а подставными актерами, и тогда в организации этого убийства можно заподозрить кого угодно. Даже его, Антона Щеглова.

Настойчиво доказывая своим коллегам и Гурову, что участники репортажа никак не могли организовать против Березина «заговор», он совершенно упустил из виду, что кто-то этот заговор все-таки организовал и этот «кто-то», возможно, не раз и не два встречался с ним в коридорах телестудии.

– Да, действительно, – изумленно глядя в пространство, будто все еще не в силах усвоить озарившую его догадку, говорил он. – Что-то я... не сообразил. Его ведь действительно... кто-то же его убил.

– Вот именно. Если это не участники репортажа, значит, убийцу нужно искать среди ближайшего окружения. И тратя время на отработку заведомо пустой версии, я даю этому человеку совершенно ненужную временную фору, чтобы он мог просчитать стратегию поведения и подготовить алиби. Вы заинтересованы в том, чтобы убийца Евгения Березина не был найден?

– Нет! – с чувством выдохнул Щеглов, не оставляя ни малейших сомнений в том, что говорит он совершенно искренне.

– Значит, вы должны помочь мне разобраться с этим репортажем. Если это были актеры, значит, есть человек, который искал их, отбирал, проводил кастинг, оговаривал условия сотрудничества и прочее, и прочее. Кто обычно занимается такими вещами?

– Ну, раньше у Березина этим занималась Марина, – немного помолчав, сказал Щеглов. – Она вообще... Она очень много для него делала. Можно сказать, тепличные условия создавала, только работай, Женечка. А он с гримершей спутался. В благодарность. Неудивительно, что она ушла. А теперь не знаю, теперь, наверное, Лиля занимается. Хотя, если она вам ничего не сказала... Не знаю.

– А с Мариной я могу сейчас поговорить? – спросил Гуров.

– Да, конечно. То есть, разумеется, если она сама не против. Это ведь, кажется, не официальный допрос?

– Нет, пока не официальный. Пригласите ее, пожалуйста, скажите, что я хочу просто поговорить. Все-таки Евгений для нее человек не совсем посторонний, надеюсь, она не откажется помочь найти того, кто убил его.

– Хорошо, я ее сейчас позову.

Щеглов поднялся со стула и, выходя из-за стола, машинально взглянул в окно.

– Опа! – вдруг воскликнул он. – Похоже, беседа ваша откладывается. Рабочий день закончился, товарищ полковник. Не судьба вам сегодня пообщаться с Мариной. Да и с Лилей, похоже, тоже. Это еще мои до конца дотерпели, а тем и вообще здесь сегодня делать нечего. Программа-то их теперь... под вопросом.

Гуров, поднявшись, тоже подошел к окну. Он увидел, как из большого черного джипа, припаркованного возле телестудии, выходит высокий темноволосый мужчина, а навстречу ему от входа спешит эффектная шатенка, еще недавно сидевшая в этой комнате на диване.

«Похоже, брошенная жена недолго скучала в разлуке», – подумал он, а вслух спросил:

– Ухажер?

– Да уж, кавалер на зависть, – улыбнулся Щеглов. – За таким никакие террористы не страшны. Так что это еще вопрос, кто больше выиграл от этого расставания, Женя или Марина.

– Кавказская мафия? – спросил Лев, вглядываясь в черты темноволосого мужчины.

– Вроде того. Он нищих держит. Знаете, наверное, бизнес на попрошайках? Так что связи у него серьезные. Голыми руками не возьмешь. Одна «крыша», я думаю, чего стоит. Я даже хотел о них передачу делать, но Ильнур сказал, что... – Тут Щеглов осекся и испуганно глянул на Гурова: – Ой, похоже, я сейчас кого-то заложил. Кирдык мне. Послушайте, давайте так – вы ничего не слышали, я ничего не говорил. А за это я вам...

– Не надо волноваться, Антон, – снисходительно усмехнулся Гуров. – Я здесь не по этому вопросу. – Но номер джипа, уже выезжавшего с парковки, он на всякий случай запомнил.

Рабочий день действительно уже закончился, и торжественное «срывание масок» пришлось отложить до завтра. Выходя из здания телестудии, полковник испытывал двойственные ощущения.

С одной стороны, ему не так уж мало удалось узнать и о профессиональной, и о личной жизни Евгения Березина. Даже несмотря на то, что из всей его группы более-менее откровенно высказались только оператор и Элина Солнцева.

С другой – полученная информация, пускай интересная и наводящая на размышления, в сущности, почти ничего не меняла в предварительном раскладе, который имелся у него в голове, когда он шел на телестудию. Базовых версий так и осталось три, и после всех сегодняшних разговоров все же не появилось достаточно весомых аргументов, чтобы окончательно утвердить или опровергнуть хотя бы одну из них.

Казалось бы, после разговора со Щегловым можно было забыть о «террористической» версии происшедшего. Но, по сути, никаких конкретных фактов, доказывающих, что в последнем репортаже Березина снимались именно актеры, у Гурова не было. Кроме того, он помнил краткую реплику, произнесенную женщиной в подслушанном разговоре. «Рожи все до единой нерусские», – сказала она, и он отлично понимал, что эти «нерусские рожи» с одинаковой вероятностью могут принадлежать как актерам, так и настоящим террористам.

Что касается версии «профессиональной» и предположений о том, что Березина мог «заказать» кто-то из конкурентов, то здесь пока тоже не было полной ясности. Основным его конкурентом, по-видимому, действительно был Щеглов, и он даже не особенно скрывал свое отрицательное отношение.

Однако такая смелая откровенность, по сути, и была главным алиби конкурирующего журналиста. Вместе с тем Гуров хорошо понимал, что на телестудии и кроме Щеглова достаточно амбициозных личностей. Все нюансы внутренних взаимоотношений невозможно узнать за один день. Может быть, кто-то ночей не спал, мечтая занять место Березина, и, посчитав момент подходящим, устранил его после эфира о террористах, рассчитывая, что все свалят на них.

Поэтому и «профессиональную» версию Гуров не спешил сбрасывать со счетов.

Что же касается версии «личной», то здесь вообще было очень интересно. Новости, которые под занавес узнал он о бывшей жене Березина, делали это направление поисков чуть ли не самым перспективным.

Загадочный Ильнур, который, если верить Щеглову, «держал нищих», и, судя по его машине, держал вполне успешно, не выходил из головы. Учитывая ту среду, где мог «вращаться» подобный тип, метод «ножом по горлу» выглядел здесь вполне гармонично.

Если бы бывшего супруга решила «заказать» жена, то она, конечно, обратилась бы с этим вопросом к своему нынешнему покровителю. Ответственная задача по поиску исполнителя легла бы на его мужественные плечи, и, если бы исполнитель этот в качестве орудия избрал нож, здесь не было бы ничего удивительного.

Записав в блокнот номер джипа, Гуров поехал домой.

Уточнения по поводу «профессиональной» и «личной» версий он не мог получить раньше завтрашнего дня, но некоторые предположения насчет террористов можно было проверить и раньше.

Поэтому на сон грядущий Лев решил еще раз посмотреть репортаж, снятый Березиным, чтобы уяснить для себя, насколько актуальны утверждения Щеглова о том, что все это расследование – не более чем заранее срежиссированный спектакль.

Достав диск, он вставил его в компьютер и с новым интересом стал просматривать знакомые уже кадры.

В начале репортажа говорилось о ситуации с террористической угрозой в России и в мире в целом, а также о способах, которые используют экстремистские организации для проникновения в те или иные страны и вербовки приспешников среди местного населения.

Одним из таких способов было создание широкой сети мелких групп, члены которых вербовались из неблагополучных или малообеспеченных слоев населения. Такие люди, работавшие обычно в самых «непрестижных» сферах, уборщиками или грузчиками, вызвали меньше всего подозрений у окружающих. Ну кто мог подумать, что какой-нибудь Хасан или Ахмет, по утрам подметающий двор, может входить в международную террористическую организацию?

Подобный же способ террористы использовали, чтобы распространить свои группировки в России, в частности в Москве.

В репортаже говорилось о скромных и незаметных тружениках метлы и лопаты, которые по вечерам и в свободное от работы время готовят взрывы и прочие диверсии, результатом которых должна стать гибель многих людей.

Далее выяснялось, что трудолюбивый и настойчивый корреспондент Евгений Березин, не поленившись опросить огромное количество людей в поисках нужной информации, смог таки отыскать кое-кого, кто действовал на самом низовом уровне законспирированной террористической сети, как спрут, опутавшей Россию, да и не только ее.

Два друга, Юсуф и Заур, граждане Узбекистана, основную часть дня работавшие грузчиками, все остальное время посвящали подготовке террористических актов.

История их вербовки была незатейливой и вполне характерной для большинства.

Нанявшись к очередному «хозяину» на временную работу, Юсуф познакомился с неким Мухамедом Дажудовым, выходцем из Дагестана. Дажудов стал агитировать его вступить в

некую тайную организацию, обещая льготные условия, «большую зарплату» и последующий переезд на жительство в Турцию. Кроме того, он говорил, что Юсуф может передать это предложение и своим товарищам, организация нуждается в преданных воинах всегда.

Юсуф поделился информацией со своим другом Зауром, и вскоре они оба стали активными членами организации.

Дажудов, называвший себя «куратором», говорил, что прежде чем претендовать на серьезные поручения и соответственно на обещанную «большую зарплату», они должны будут «проявить себя», показать, на что способны.

Подумав, друзья решили подложить бомбу в кафе, и хотя «террористический акт» обошелся без жертв, куратор их дебют вполне одобрил и даже заплатил.

На эти деньги они сняли в микрорайоне Ново-Переделкино квартиру, которая вскоре стала чем-то вроде подпольной явки. Сюда приходил куратор, здесь обсуждались способы изготовления и закладки всевозможных взрывчатых и пожароопасных веществ, планы будущих диверсий.

Вскоре Юсуф и Заур поняли, что, стремясь убивать людей, поступают нехорошо, и им захотелось покинуть организацию, но было уже поздно. Дажудов неоднократно и недвусмысленно давал понять, что теперь они – неотъемлемая часть организации и не смогут просто так покинуть ее. Они слишком много знают.

По ходу репортажа на экране появилась старая девятиэтажка, потом оператор вошел в подъезд, и на следующем кадре Березин уже звонил в дверь квартиры.

Ощущение того, что подъезд находился именно в показанном до этого доме, а квартира – именно в показанном до этого подъезде, было полным. Но после циничных комментариев Щеглова Гуров относился к увиденному иначе.

Понимая, что и квартира, и подъезд, и сам дом действительно могли быть какими угодно, он внимательно всматривался в исхудавшие лица двух парней, в полумраке зашторенной комнаты дававших интервью. Они не скрывали своих лиц, что, по замыслу автора, по-видимому, должно было указывать на их искреннее стремление к «раскаянию».

Черты лица просматривались не очень хорошо, и догадки по поводу национальности точнее всего выражало слово, которое Лев подслушал, стоя возле дверей Щеглова, – «нерусские».

Двое мужчин, сидевшие в занавешенной комнате, говорили с акцентом, но не слишком выраженным. Было ясно, что русский они знают хорошо и разговаривают на нем часто. Достаточно часто, чтобы избавиться от акцента совсем. И, слушая запись, Гуров все чаще ловил себя на том, что ухо коробят пускай и едва уловимые, но все же заметные фальшивки, говорящие о том, что акцент может быть и «сыгранным».

Герои рассказывали о том, что быть террористом – плохо, что денег больших они пока не видели, а опасность чувствуют каждую минуту, что куратор с каждым разом становится все жестче и требовательнее, а о переезде в Турцию давно ничего не было слышно.

Польстившись на щедрые обещания, теперь они ощущают себя загнанными в ловушку, понимая, что опасность грозит и со стороны официальной власти, поскольку за то, что они делают, предусмотрены жесткие наказания, и со стороны «куратора», поскольку, если они захотят добровольно сдаться властям, он не простит предательства.

На этом репортаж заканчивался, своим открытым финалом предполагая плавный логический переход к обсуждению темы.

Понимая, что беспредметные разговоры о том, «что же делать нам, бедным и несчастным террористам поневоле», немного добавляют в копилку фактов, Лев остановил просмотр.

Повторно прокручивая в воображении ключевые моменты съемки и записанные интервью, он понимал, что постановочные кадры не исключены и вполне может оказаться, что замечания Щеглова пришлись впору.

«Издалеко вам показывают дом», а потом «внутренность квартиры» – это, несомненно, касалось именно последнего репортажа Березина, и нельзя было не признать, что действия главного конкурента руководитель «Независимой экспертизы» отслеживает очень четко.

На следующий день Гуров первым делом решил пробить номер черного джипа и по возможности навести справки о том, кто такой Ильнур.

Намеки, которые делал Щеглов во вчерашнем разговоре, заставили его более серьезно отнестись к «личной» версии. Если инициатива преступления исходила от бывшей жены Березина, организатором его наверняка являлся ее бойфренд, поэтому он хотел узнать о нем как можно больше.

Оказалось, что Ильнур Гумеров, кроме очень недешевой черной «Тойоты», является еще владельцем спортивной «Ауди» и нескольких мотоциклов, а также имеет вполне легальный бизнес в виде четырех автостоянок в разных районах столицы.

Что касается нелегальной деятельности, на которую намекал Щеглов, Гурову не удалось обнаружить ни прямых, ни косвенных данных, позволяющих подтвердить или опровергнуть подобные предположения.

«Похоже, придется поработать самому», – выключая компьютер, подумал он и, взглянув на часы, понял, что «поработать» самое время. Стрелка подходила к десяти, журналистская братия наверняка уже спешила на рабочие места. Заперев кабинет, Гуров поехал на телестудию.

Вчера вечером, еще раз пересмотрев последний репортаж Березина, он убедился, что «подделка» здесь вполне могла иметь место, и теперь собирался прояснить этот вопрос до конца. Ведь от этого зависела состоятельность главной версии.

Раздумывая, с кем можно продуктивнее пообщаться по данному вопросу, с Лилей или с Мариной, Лев решил, что полезно будет поговорить с обеими.

Марина в качестве «брошенной жены», конечно же, захочет «отомстить» и просто «из вредности» может выложить всю правду-матку. А Лиля, как непосредственная участница процесса, наверняка знает координаты снимавшихся в репортаже актеров, которых, вполне возможно, сама же и нанимала. Ведь, если верить Щеглову, подобными вопросами в группе Березина занимался администратор, а после ухода Марины именно Лиля заняла эту должность.

Сейчас же ему было необходимо разобраться с первоначальными версиями и определить, какая из них наиболее предпочтительна.

Поначалу наиболее очевидным казалось предположение об участии террористов, но вчерашний визит на телестудию заставил сомневаться в состоятельности этой версии. Если в ходе сегодняшних собеседований удастся доказать, что репортаж действительно был постановочным, о «террористическом» направлении в расследовании можно просто забыть.

Но, прежде чем отказываться от этого направления окончательно, необходимо получить подтверждение «из первых рук», то есть пообщаться с актерами, исполнявшими роли этих «террористов», и убедиться, что они не могли иметь претензий к Березину по поводу того, что он раскрыл их тайные «явки».

Если предположения о постановке подтвердятся, тогда на первый план выходит «личная» версия, и это – дополнительная мотивация для разговора с Мариной. Гурову хотелось «прощупать почву» и под предлогом выведывания секретов профессиональной деятельности вывести что-нибудь и о личных отношениях бывших супругов.

Когда он вошел в знакомую уже комнату, где вчера беседовал со Щегловым, то вновь нашел всю компанию в полном составе.

– А вот, кстати! – увидев его, оживленно воскликнул Щеглов. – Марина, это по твою душу. Гражданин полковник очень хотел побеседовать с тобой, но вы с Ильнуром как-то уж слишком быстро свалили. Не иначе, грешки за вами водятся.

Он улыбался, уверенный, что очень удачно пошутил, но на лице эффектной шатенки отражались лишь настороженность и плохо скрываемое неудовольствие. Она явно не была в восторге от того, что на телестудию снова явился полицейский, да еще и «по ее душу».

– Где мы можем поговорить? – сдержанно спросил Гуров.

– Что ж, так и быть, предоставляю вам свои апартаменты, – вновь с улыбкой проговорил Щеглов. Он явно был в очень хорошем настроении. – Пойдемте, ребята, у Славика посидим. Кстати, и последний материал нужно будет отсмотреть. А здесь пускай наш гость располагается. Со всеми удобствами, так сказать.

Толпа удалилась, оставив полковника наедине с недовольной Мариной.

Привыкший замечать мелочи, Гуров, хотя и сосредоточенный сейчас на вопросах, которые следует задать бывшей жене Березина, вновь обратил внимание на открытую и непринужденную манеру Щеглова. Ну никак этот человек не ассоциировался в его сознании с организатором тайного заговора. И недовольство высказывал явно и открыто, и хорошего настроения, раз уж оно случилось, не скрывал, хотя навряд ли вызвано оно было гибелью конкурента.

«Если и причастен к смерти Березина кто-то из коллег, то это явно не он, – думал Лев, провожая глазами выходящего в дверь Щеглова. – Что ж, тем больше поводов подольше задержаться на студии и побольше узнать».

– Это правда, что Евгений использовал в репортажах актеров? – спросил он, когда все вышли.

– Актеров?

Марина явно была не готова к вопросу. По-видимому, Щеглов еще не успел рассказать ей о том, чем закончилось его вчерашнее общение с Гуровым, и, вновь увидев полковника на горизонте, она ожидала, что речь пойдет о чем-то другом.

«О чем, интересно? Чего она ждала?» – думал Гуров, с интересом следя за выражением лица Марины.

Тем временем она уже сориентировалась в ситуации и, поняв, о чем пойдет разговор, даже перестала хмуриться.

– Конечно, использовал, – без всякого жеманства и ненужных обиняков ответила она. – Как еще, спрашивается, можно было бы выпускать новую передачу каждые две недели?

– То есть получается, что журналистских расследований как таковых, не было?

– Ну почему... Были. Особенно на первых порах. Но потом... Потом нас стали интересоваться только деньги, – с саркастической усмешкой резюмировала Марина. – Полноценное расследование требует времени. А иногда и денег. А Женечке вовсе не хотелось, чтобы деньги уходили. Он стремился к тому, чтобы они приходили и приходили. Как можно чаще и как можно больше. Поэтому и программы выпекались, как горячие пирожки. А уж какая там была в них начинка... никто не спрашивал. Люди это смотрели, рейтинги шли. Чего еще нужно? Все довольны.

– Вам это не нравилось?

– Не то чтобы не нравилось, – немного поумерив пыл, проговорила Марина. – Просто... неприятно было. Как будто поддельными картинками торгуешь.

– Подбором актеров занимались вы?

– Да, в основном. Иногда Женя и сам находил. Но чаще я.

– Был кто-то, кого приглашали регулярно?

– Витя Пахомов часто снимался. Еще Гена Кольцов. У них внешность очень удачная. Немного грима – и уже другое лицо. Мы их частенько брали. Это ведь тоже... Не особенно хотелось рекламировать, как именно делается передача. А чем меньше народу, тем...

– Проще сохранить секрет? – подсказал Гуров.

– Ну, секрета тут, конечно, никакого не было. Свои-то все знали. Но в целом... чем меньше, тем лучше.

– Вы можете отличить постановочный репортаж от материала, снятого с реальными героями?

– Я не эксперт, конечно, – медленно, как бы оценивая свои способности, проговорила Марина, – но думаю, что смогу. Профессиональные актеры все-таки немного иначе ведут себя перед камерой, чем люди неподготовленные.

– На ваш взгляд, последний репортаж Евгения тоже был постановкой?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Марина молчала минуты две.

– Я думаю, да, – наконец произнесла она. – Хотя если это актеры, то довольно своеобразные, конечно. Но... сейчас довольно широкий выбор, на кастингах кого только не увидишь. Думаю, можно подобрать и таких.

– Но среди тех, с которыми работали вы, подобных персонажей не было?

– Нет. Я их не знаю.

– Вы не могли бы дать мне координаты актеров, регулярно работавших с Евгением? Пахов и Кольцов, если не ошибаюсь?

– Да, конечно, – просто сказала Марина.

Она достала телефон и, просмотрев список контактов, нашла нужные номера.

Увидев, что информация всегда под рукой, Гуров вновь подумал о том, что знакомства в актерской среде приносят Марине пользу и при работе со Щегловым.

Записав в свой блокнот номера телефонов, он перешел к следующей интересовавшей его теме.

– Понимаю, что это – вопрос личный, но не могли бы вы в двух словах пояснить причину развода с Евгением?

Марина снова нахмурилась, и в воздухе повисла пауза. По выражению ее лица Лев догадался, что неудовольствие в начале разговора было вызвано именно ожиданиями, что ее начнут расспрашивать об этом.

– Мы перестали понимать друг друга, – коротко и с явной натугой проговорила она.

– В чем это выражалось?

– Во всем. Женья все больше сосредотачивался на доходах, все меньше уделял внимания качеству репортажей. К тому же от постоянно растущих рейтингов у него слегка поехала «крыша», стал воображать себя гением журналистики, считал, что ему нет равных. Появилось какое-то дурацкое самолюбование, а по отношению к другим – высокомерие. Короче, он стал невыносим.

«Ясно, завел любовницу», – по-своему истолковал эту прочувствованную речь Гуров.

– Если я правильно понял, после развода вам пришлось уйти из квартиры, где вы проживали совместно. С этим не было связано каких-то проблем, недопонимания?

– Да нужна мне его квартира! – в сердцах воскликнула Марина. – Пусть подавится! И квартирой своей, и деньгами. Только и говорил о том, какой он гениальный и как много зарабатывает. Он. Он один. Другие к этому как бы и отношения никакого не имеют. А то, что я целый день как белка в колесе крутилась, только бы Женечке идеальные условия для работы обеспечить, – это ничего. Это даже не труд. Это как бы само собой разумеется.

Лев уже понял, что жалобы Марины на чрезмерную жадность Березина и его пренебрежение к ней обусловлены в основном досадой на то, что он завел интрижку на стороне, поэтому решил слегка поостудить ее пыл:

– Ваш знакомый, с которым вы уехали вчера, – это друг семьи? Давно вы общаетесь?

Незатейливый вопрос, заданный спокойным тоном, подействовал как ушат холодной воды. Марина снова надолго замолчала, явно не зная, как лучше отреагировать.

– Ильнур, это... он очень поддержал меня в трудный период, когда... – Она промямлила еще несколько фраз и остановилась, выразительно глядя на Гурова.

– Понятно, – великодушно согласился он. – Мне необходимо уточнить лишь одну деталь. Вы познакомились с Ильнуром до развода или уже после?

– Мы? То есть как? В смысле... я точно не помню...

Очередная невнятица только лишний раз подтвердила, что оба бывших супруга не теряли времени зря. Если у Березина и случались интрижки на стороне, его жена наверняка не оставалась в долгу.

Лев вспомнил многозначительное выражение Щеглова, с которым тот говорил, что неизвестно, кто больше выиграл от этого развода, и твердо решил до конца прояснить финансовую сторону этого акта и то, как бывшие супруги поделили свои семейные «активы».

Закончив разговор с Мариной, он вновь направился в семьсот пятнадцатую комнату. Теперь на руках у него были все данные для «предметного» разговора об особенностях некоторых журналистских исследований.

– Добрый день, – со всем возможным очарованием улыбнулся Лев в ответ на обращенные к нему удивленные и недоумевающие взоры. Его вторичного появления здесь явно не ждали. – Появились дополнительные факты, мне необходимо кое-что уточнить. Могу я поговорить с... – Обводя глазами присутствующих, он не нашел среди них оператора, но все-таки сказал: – С Иваном Неклюдовым.

– Ах, с Ваней, – тут же отреагировала бойкая Лиля. – Да, конечно. Он сейчас у себя в операторской. Это через две двери. Как выйдете, сразу направо третья дверь.

– Благодарю вас, – поспешно проговорил Гуров и, выйдя из кабинета, направился к Неклюдову.

Тот сидел один и сосредоточенно работал с какими-то записями.

Увидев входившего полковника, он тоже выразил удивление, но разоблачений явно не ждал, поэтому спокойно и доброжелательно пригласил его присесть.

– Вы, наверное, помните, во вчерашнем нашем разговоре я высказывал предположение о том, что Евгения Березина могли убить герои его репортажа, – издали начал Гуров. – Вы еще сказали тогда, что вам трудно судить, имеет ли оно основания.

– Да, я помню, – все еще ничего не подозревая, ответил Неклюдов.

– Честно говоря, мне это кажется немного странным. Прекрасно зная, что роли коварных террористов исполняют приглашенные актеры, вы, конечно, с полной уверенностью могли сказать, что с этой стороны жизни Березина совершенно точно ничего не угрожало. Не совсем понятно, для чего вы решили скрыть этот факт и ввести в заблуждение следствие. Версия с террористами рассматривалась как основная, и вы, точно зная, что она абсолютно несостоятельна, не поделились этим своим знанием даже в виде полунамёка. Почему? Вам выгодно было направить расследование по ложному пути? Может быть, все дело в том, что к гибели Евгения Березина каким-то образом причастны вы сами?

По тому, как изменилось лицо оператора, Лев понял, что удар пришелся точно в цель.

– Я... я... я непричастен, – наконец выговорил Неклюдов, ошарашенный таким неожиданным поворотом дела. – Я просто... Я хотел как лучше. Не хотел, чтобы про Женю... плохо думали. Он ведь... Мы ведь... У нас и реальных расследований много было. И вообще... Зачем это? Зачем ворошить грязное белье? Этим ведь уже ничего не поправишь.

– Не согласен с вами. Да, конечно, того, что сделано, уже не переделаешь, но откровенный рассказ о том, как снимался репортаж, помог бы не отвлекаться на разработку заведомо пустых версий и быстрее найти настоящих преступников. Неужели это так трудно понять? Своим стремлением сохранить о Евгении некую призрачную «добрую память» вы ему же оказываете медвежью услугу. По-моему, это очевидно.

– Да, наверное. Я просто не подумал об этом. Так все оказалось... неожиданно.

– Но теперь вы готовы откровенно рассказать о том, как в действительности снимался этот репортаж?

– Да. Да, конечно, – кивнул оператор.

Глава 3

– Вы не думайте, сначала у нас все было серьезно и по-взрослому, – рассказывал Неклюдов. – Реальные расследования, достоверные факты. Приходилось и с опасностями сталкиваться, и с угрозами. У Жени какие-то знакомые были в органах, так что сотрудничали и с ними. Причем взаимовыгодно. Не только мы от них получали «наводки», но иногда и они пользовались нашими, так сказать, «услугами».

– Даже так? – удивленно поднял брови Гуров.

– Да-да, напрасно вы удивляетесь. Я ведь сказал, сначала все было по-настоящему. Факты, которые удавалось нам раздобыть, нередко шли не в эфир, а в реальные уголовные дела. Иногда приходилось даже откладывать выход программы, чтобы не обнародовать какие-то вещи раньше времени, пока не закроют дело и не посадят всех, кого надо. Но потом... потом, конечно, многое изменилось.

– Коммерческие соображения стали преобладать?

– Точно. Тот высокий рейтинг, которым и до сих пор пользуется программа, наработан честно, в этом можете даже не сомневаться. Но время вносило свои коррективы. Видя, что передача успешна, руководство канала приняло решение увеличить количество эфиров. А ведь сенсаций на каждый день не напасешься. Да и времени на подготовку очередного выпуска теперь было намного меньше. Приходилось как-то выкручиваться.

– Сейчас в эфир идут только постановочные репортажи?

– Да нет, не только. Вообще стопроцентных постановок у нас, в общем-то, и сейчас нет. Все-таки какую-никакую, а марку стараемся держать. В каждой передаче есть и реальные факты, и реальные лица. Но и приглашенные, конечно, тоже. Такова современная ситуация. В борьбе за выживание, сами понимаете, чрезмерная разборчивость в средствах только вредит.

– В последнем репортаже эти реальные факты тоже имелись?

– Да, конечно. Во-первых, вся эта система с вербовкой гастарбайтеров и прочих маргинальных слоев. Она совершенно точно имеет место. Вместо создания крупных и соответственно «заметных» центров террористические организации формируют разветвленную сеть, состоящую из тысяч мелких подразделений, через многие уровни связанных с самым верхом – центральным руководством организации.

– Еще один «спрут»?

– Да, аналогия напрашивается сама собой. Эти небольшие группки мобильны, незаметны и очень удобны в использовании. Террористические группировки имеют агентов в самых глухих закоулках той же России, опасность может грозить из любой подворотни, а внешне все выглядит так, будто ничего не происходит.

– Система реальная, но сами «террористы», участвовавшие в репортаже, насколько я понял, все же приглашенные?

– Да, интервью записывалось с актерами.

– Это были именно актеры, не просто молодые люди с подходящими внешними данными?

– Насколько я знаю, да. Приглашать прохожих с улицы рискованно. Мы не заинтересованы рекламировать тот факт, что в репортажах присутствуют постановочные кадры. А люди смежных профессий все-таки понимают, о чем можно говорить, а о чем не стоит.

– К тому же они заинтересованы в продолжении сотрудничества и уже по одному этому будут держать язык за зубами. Правильно я понимаю?

– Да, и это тоже, – слегка усмехнулся Неклюдов. – Кроме того, профессионалы имеют соответствующую подготовку, что тоже весьма часто приходится кстати.

– У вас есть координаты этих людей? Тех, кто снимался в последнем репортаже?

– Нет. Подобными вопросами занимается Лиля. Она подыскивает подходящих людей, потом приводит их Жене «на утверждение». Если его все устраивает, мы начинаем снимать. Хотя правильнее, наверное, говорить обо всем этом уже в прошедшем времени.

– Неужели руководство канала решится закрыть такую популярную программу?

– Не знаю. Официальных распоряжений пока нет. Но ходят слухи, что нам просто дадут нового ведущего.

– Кому же это так повезло? – насторожился Гуров.

– Эдичке. – Лицо Неклюдова перекосила саркастическая гримаса. – Эдик Смирнов. Такая дрянь, повсюду влезет... без мыла.

– Вы считаете эту кандидатуру неподходящей? – осторожно спросил Лев.

– Я считаю, что лучше вообще закрыть программу, чем отдавать ее Эдику.

– Чем же он так плох? Если руководство канала назначает ведущего, наверное, для этого есть веские основания. Тем более когда речь идет о такой рейтинговой программе.

– Да уж, основания. Понятно, какие там основания. Приблизительно те же самые, по которым он вообще сюда попал. Папка у него, видите ли, в Министерстве внутренних дел работает. Связи очень сильно полезные. Вот и всунули его. Ток-шоу ведет про ветеранов. «Последний герой». Чечня, Афган. Сейчас вот уже с Украины приезжают к нему герои. Правильно, через папку можно найти информацию, выйти на нужных людей. Но ведь, по сути, ему, так сказать, на блюде с голубой каемочкой все приносят. А у нас специфика другая. У нас самому вкалывать нужно. И побегать, высунув язык, и эксклюзив поискать. Передачу-другую он, может быть, и сделает с помощью своего папки, а дальше-то что? На одних афганцах здесь не выедешь.

Рассказ про Эдика Смирнова Гуров слушал с возрастающим интересом. Его предположение, что Березина «заказал» кто-то, очень желавший занять его место, теперь становилось как нельзя более актуальным. Версия с причастностью «террористов» с каждой минутой выглядела все более сомнительной, и теперь на первый план выходили «личное» и «профессиональное» направления.

– А сам этот Эдик, как вы думаете, его бы обрадовало новое назначение? Ведь если у него уже есть своя программа, то...

– Да он спит и видит, как бы к нам перейти! – с чувством воскликнул Неклюдов. – Что у него там за программа? Полтора часа в месяц. Да и время. Кто сейчас в три часа дня телевизор смотрит? Правда, после сериала поставили. Наверное, неловко было папенькиного сынка совсем уж без зрителей оставлять. Но с нами он даже рядом не стоит. Обрадовало бы его – да он до потолка бы прыгал от счастья! Если хотите знать, он уже и раньше закидывал удочку, как бы к нам внедриться. Говорят, даже и папу своего привлекал. Ну у нас тут, к счастью, тоже не совсем уж дураки сидят. Папа папой, а каналу и зрителям нужны. Так что, пока Женя был, мы даже не беспокоились. Эдичке до него, как до неба. А сейчас не знаю... Может, и правда не минет нас чаша сия. Только если вы меня спросите, так я вам скажу – лучше передачу сразу закрыть.

Выслушав это неутешительное резюме, Гуров решил сменить тему:

– Если я ничего не путаю, до Лили администратором у вас работала Марина. Она тоже занималась подбором актеров для репортажей?

– Да, конечно. Насколько я понял, она первая это и предложила. Женя поначалу не очень приветствовал эту новацию, но потом, кажется, оценил. Конечно, так проще. Меньше хлопот, риск минимальный. Да и быстрее все получается. Как говорится, производственный цикл короче. Пока все это келейно и семейно было, никто, в общем-то, и не догадывался. А уж потом... потом, конечно, многие узнали. Да и не такая уж это новость, если посмотреть. Все эти так называемые «документальные» фильмы давно уже по такому принципу снимаются, и никто ничего не говорит. А мы чем хуже?

– Да, действительно. А с чем был связан уход Марины? Это произошло уже после развода с Евгением или раньше?

– Раньше. Он когда к Свете уже в открытую ходить начал, у нас тут из-за скандалов просто работать стало невозможно. Две передачи состряпали кое-как, на пределе возможностей, можно сказать, но потом народ возмутился. А что, приятно, что ли, все это каждый день слушать? Ты с той-то, а ты вот с тем-то. Это – личные дела, пускай решают их дома. В общем, устроили мы, как говорится, общее собрание, и Марина ушла.

– К Щеглову?

– Нет. Сначала просто ушла. Насколько я знаю, нигде не работала. А потом, когда они уже на развод подали, попросилась к Антоше. Типа, в отместку. Он, конечно, с распростертыми объятиями принял. Как же! Такой случай утереть нос главному конкуренту. Но в целом, я думаю, работать ей не так уж и обязательно. Этот ее друг, похоже, совсем не из бедных.

– Вот как? – наострил уши Гуров. – То есть «на сторону» ходил не только Евгений?

– Нет, не только. Хотя мы, конечно, в эти их взаимоотношения не вмешивались, там еще очень большой вопрос, кто первый начал. Марина, конечно, во всем обвиняет Женю, а сама она, дескать, начала гулять уже в качестве «ответной меры». Но... не знаю.

– А это правда, что Березин был так заиклен на доходах от передачи? Вообще можно назвать его человеком жадным?

– Женю? – Удивление Неклюдова было совершенно искренним. – Вот уж нет. Кто вам только сказал такое? Хотя я догадываюсь. Марина? Наверняка она. Она после этого развода каких только басен про Женю не сочиняла. И жадный-то он, и бесчувственный, и в черном теле ее держал, каждую копейку учитывал. Просто домашний тиран какой-то. Одно только непонятно, почему же, когда она жила с ним, мы ни о чем таком не слыхивали.

– Думаете, все это выдумки? Еще один способ отомстить?

– Конечно.

– Но ведь у нее тоже есть, как вы говорите, друг. Если с личной жизнью порядок и после развода она не осталась, как говорится, не у дел, какой смысл поминать старое и мстить?

– Не знаю. Может, просто характер такой. Марина – собственница. Сколько бы ни было у нее кавалеров, мысль о том, что муж все-таки ушел, что она что-то упустила, наверное, гложет, не дает спокойно жить. Хотя я уже сказал вам: во внутренние взаимоотношения этой семьи мы старались не вмешиваться. И я в том числе. Я просто снимаю.

Разговор с Неклюдовым навел Гурова на новые, очень интересные размышления. Сложные взаимоотношения с женой, загадочный «Эдичка», совершенно неожиданно, как чертик из табакерки, возникший в ряду ключевых фигур, – все это делало гораздо более значимыми «личную» и «профессиональную» версии, которым изначально он отводил роль второстепенных.

Видя перед собой новый фронт работ, Лев спешил закончить с «террористами», чтобы, окончательно убедившись в несостоятельности своей основной версии, переключиться на отработку двух оставшихся.

Хорошенько отчитав Лилу за сокрытие информации, он велел ей позвонить актерам, снимавшимся в репортаже, и вызвать их на телестудию.

– Скажите, что возникли вопросы по оформлению договора и им нужно расписаться в бумагах.

– Хорошо. Ладно. Как скажете, – частила потерявшая весь кураж Лилия.

Чтобы окончательно отсеять версию с террористами, Гурову необходимо было получить официальные показания на протокол, что в репортаже их роль выполняли приглашенные актеры. Он решил, что сможет осуществить эту задачу гораздо успешнее и оперативнее, если организационную часть доверит Лиле.

Ее эти парни знают, с ней они работали, и очередное приглашение на телестудию, скорее всего, не вызовет подозрений. А если действовать по официальной схеме и вызывать в кабинет, еще неизвестно, чем все это может обернуться. Как минимум это грозит проволочками по времени. А если ребята окажутся пугливыми, возможно, и вообще не придут.

Нет, официальный путь в данном случае бесперспективен. Лучше уж пускай Лиля. В конце концов нет разницы, где именно снимать показания – в родном кабинете или на телестудии в комнате № 715. Стол, чтобы положить листок бумаги, найдется и там и там.

Минут через сорок после звонка на телестудию прибыли главные «фигуранты», и сотрудникам «Специального репортажа» вновь пришлось освободить свою «штаб-квартиру», предоставив ее в распоряжение полковника.

Он сразу узнал обоих ребят, которых видел по телевизору. Правда, сейчас они выглядели, так сказать, «почище», чем в репортаже, и имели внешность более европейскую, чем азиатскую, но черты угадывались легко. Несомненно, «похожесть» этих вполне симпатичных парней на потрепанных жизнью вечно недоедающих грузчиков была в основном заслугой гримеров.

– Представьтесь, пожалуйста, – положив перед собой листок бумаги и собираясь начать протокол, сказал Гуров.

– Имран Асланов, – ответил сидевший перед ним парень, с лица которого все еще не сходило недоумение, появившееся там в момент знакомства с полковником. – А что я сделал?

– Ничего. Вы проходите по делу как свидетель. Все, что от вас требуется, – правдиво рассказать о своем участии (или неучастии) в съемках последнего репортажа Евгения Березина. Вы принимали участие в этих съемках?

– Я... Ну, то есть да, принимал, – в замешательстве говорил парень, все еще не определившись с тем, стоит ли ему действительно высказываться «правдиво».

– Каким образом вы оказались на этих съемках?

– Я пришел на кастинг в один сериал. Там было несколько человек, они отсматривали претендентов. Среди них – эта женщина.

– Что за женщина?

– Она сказала, что ее зовут Лиля, что она ищет подходящие типажи для одной документальной передачи и что я ей подхожу. Она взяла у меня номер телефона и назначила время, когда я должен буду подойти сюда, на телестудию, для главного просмотра. Я пришел. Здесь был еще один парень, Тенгиз.

– Тот самый, с которым вы снимались?

– Да. Мы познакомились, он сказал, что есть шанс «засветиться» на программе Березина. Когда нас стали просматривать, я действительно увидел, что среди тех, кто там сидел, был и Березин. Я сразу его узнал.

– Тебя не удивило, что в передачу, где речь вроде бы должна идти о реальных людях, тебя приглашают как актера? – спросил Гуров, переходя на «ты».

– Нет, нисколько. Сейчас многие так делают. А программа Березина популярная. Я считал удачей, что меня туда взяли. Это хороший опыт.

– Что было дальше?

– Дальше нам сказали, что мы подходим и что с нами готовы заключить договор.

– И действительно заключили?

– Да, заключили.

– Где проходили съемки?

– В какой-то квартире в Мытищах. Нам дали текст, объяснили, что нужно изображать сбившихся с истинного пути бедолаг, которые запутались в жизненных обстоятельствах.

– Ты потом смотрел эту передачу?

– Да, конечно. Такой дебют, разве можно было пропустить! – улыбнулся Имран. – Думаю, у нас получилось неплохо. Такие два чумазых задохлика, всего на свете боящиеся. Нас еще гримеры подкрасили, теней навели, круги под глазами подрисовали. В общем – отлично вышло. Полный, как говорится, эффект присутствия.

Второй парень, Тенгиз Гуреев, почти слово в слово повторил показания своего коллеги.

Теперь, когда в руках у Гурова имелись неопровержимые доказательства того, что в передаче о террористах никаких террористов не было, он мог полностью сосредоточиться на двух оставшихся версиях.

Раздумывая, с чего лучше начать, он вспомнил про сожительницу Березина, ту самую гримершу-разлучницу, разговор с которой он в свое время решил отложить. Учítывая, сколько прошло времени с момента убийства, можно было надеяться, что теперь она оправилась от происшедшего и сможет отвечать на вопросы.

В новых обстоятельствах беседа со Светланой приобретала дополнительный интерес. Она наверняка знала, что под видом террористов в репортаже Березина выступают приглашенные актеры, и в связи с этим Льву очень хотелось узнать ее предположения относительно того, кто мог убить или «заказать» самого близкого ей человека.

Со всей возможной любезностью поблагодарив Лилию за содействие, он поехал в Измайлово.

Войдя в знакомый подъезд, где возле дверей лифта теперь лишь смутно угадывались силуэты темного пятна, поднялся на шестой этаж и позвонил в дверь под номером 289, где, согласно материалам дела, еще недавно проживал Евгений Березин.

Через минуту дверь открылась, и в небольшой проем, ширину которого фиксировала цепочка, Гуров увидел невысокую блондинку довольно приятной внешности.

– Здравствуйте, я из полиции, – сказал он, разворачивая удостоверение. – Гуров Лев Иванович. Я провожу расследование по факту убийства вашего... супруга. Светлана Алова, если не ошибаюсь?

– Да, – немного испуганно ответила блондинка.

– Мы можем поговорить?

– Да, можем. Проходите. – Она дернула дверь, забыв про цепочку, и тут же спохватилась: – Ой. Что это я... Минуточку!

Устранив препятствие, Светлана распахнула дверь во всю ширь, пропуская Гурова в квартиру:

– Проходите, пожалуйста. Вот туда, в комнату. Присаживайтесь где вам удобно.

Квартира ведущего одной из самых популярных телепрограмм была обставлена добротной мебелью, но не вычурно и даже довольно скромно.

«Спартанские вкусы? Или он действительно был человеком, что называется, прижизненным? – размышлял Лев, обводя взглядом непритязательную обстановку, немногим отличавшуюся от той, что была у них с Марией. – Рядовая квартира, рядовая мебель. Так ли сейчас живут топовые журналисты?»

– Вы можете рассказать о том дне, когда... все это произошло? – обратился он к Светлане. – Может быть, случилось что-то особенное, не рядовое, на что вы обратили внимание?

– Нет, все было как обычно. В десять Женя уехал на студию, и я, зная, что у него сегодня эфир, не ждала его раньше половины первого. Готовила, занималась обычными делами.

– Если я правильно понял, вы работали гримером на той же телестудии?

– Да, но в тот день была не моя смена. У нас день ненормированный, передачи идут почти круглосуточно, поэтому работаем по сменам, через два дня.

– Понятно. Значит, в тот день у вас был выходной.

– Да. Я ждала Женю, а он что-то опаздывал. Хотела уже звонить, но тут позвонили в дверь... – Светлана сделала небольшую паузу, как бы собираясь с силами, и после этого достаточно спокойно продолжила: – Это был мужчина, он представился полицейским и сказал, что я должна опознать труп. Мы спустились вниз, и я... опознала.

Помня, что он видел на фотографиях, Гуров оценил мужество женщины.

– Вы знали, что в репортаже Евгения, который вышел в тот день в эфир, основная часть была постановочной?

– Да, конечно.

– То есть предположение о том, что его могли убить члены террористической организации, недовольные тем, что о них стало известно, с вашей точки зрения, нельзя рассматривать как серьезное?

– Разумеется нет, – чуть улыбнулась Светлана.

– Но тогда кто это мог быть?

– Конечно, эта стерва, кто же еще?

Теперь Светлана уже не улыбалась. Лицо ее выражало раздражение, даже злость, и Гурову не стоило труда догадаться, кто именно эта «стерва», о которой идет речь.

– Вы серьезно думаете, что к убийству Евгения Березина причастна его бывшая жена? – Лев приложил максимум стараний, чтобы его удивление выглядело искренним.

– А кто же еще к этому может быть причастен? – Светлана говорила уверенно, ни секунды не сомневаясь в своей правоте. – И жить с ним не хотела по-человечески, только и знала, что гуляла с каждым встречным и поперечным. Да и уйти не давала. Стерва! Мы бы с Женей давно уже поженились, если бы не она. Но где уж, там же деньги. Финансовый интерес. Разве Мариночка такое упустит?..

– А каким образом Марина могла помешать вам с Евгением пожениться? – с интересом спросил Гуров.

– То есть как это каким? – странно глянула на него Светлана. «Ты что, с Луны свалился, что не знаешь таких элементарных вещей?» – так и читалось на ее лице. – Чтобы жениться во второй раз, надо сначала расторгнуть первый брак. У нас в стране многоженство, кажется, пока еще не узаконили.

– Минуточку! – Теперь настала очередь удивляться Гурову. – Вы хотите сказать, что Марина и Евгений не были разведены?

– В том-то и дело, что нет! – воскликнула Светлана. – Когда Женя подал на развод, она выставила какие-то фантастические требования о разделе имущества, и из-за этого бракоразводный процесс затянулся до бесконечности.

– Марина претендовала на квартиру?

– Нужна она ей, эта квартира, – проговорила Светлана. – Сами видите – за чем тут гнаться? А вот коттедж, который Женя строил, это да, это актив посерьезнее. Калужское шоссе, два шага от МКАД. Можно сказать – самый центр. Такого Марина не упустит.

– Она хотела оставить коттедж за собой?

– Да, это, конечно, была бы главная удача всей ее жизни. Но какой бы ни была жадной наша Мариночка, рассудок она еще не потеряла. По крайней мере, мы все надеемся на это, – скривив губы в усмешке, добавила Светлана. – Имущество, приобретенное в браке, считается нажитым совместно, хотя, разумеется, все это удалось «нажить» только благодаря Жене. Но при разводе Марина могла требовать свою долю и, разумеется, этой возможностью воспользовалась. Женя практически все, что зарабатывал, вкладывал в этот коттедж. В эту квартиру – его собственную, на которую никто не мог претендовать, – он не вложил ни копейки. Все уходило на ту стройку. Женя со всеми договаривался, закупал материалы, нанимал рабочих. Марина приезжала только «глянуть». А когда, устав от ее измен, Женя захотел развестись, она заявила, что ей, видите ли, принадлежит большая часть вложенного в строительство.

– На момент смерти Березина бракоразводный процесс не был завершен?

– В том-то и дело, что нет! – снова с большим чувством воскликнула Светлана. – Теперь вы понимаете? По закону наследницей всего остается Мариночка.

Лев понимал. «Личная версия», набравшая дополнительные очки после того, как он узнал о «дружбе» Марины с Ильнуром Гумеровым, теперь и вовсе выходила на первый план. Причем опытный полковник видел сразу два возможных варианта развития событий.

Могло случиться так, что Марина, которой наскучило ждать завершения бесконечного процесса, попросила своего друга немного ускорить события, понимая, что в этом случае не только получит долгожданную свободу, но и сорвет джек-пот.

А могло быть и так, что инициатором всего явился Ильнур, а Марина даже не была в курсе истинной подоплеки происшедшего. Она наверняка делилась с любимым своими переживаниями, и это могло навести Гумерова на разные интересные мысли.

Если его подружка, а возможно, и будущая жена станет владелицей солидной доли в элитном объекте недвижимости, это, конечно, будет очень хорошо. Но еще лучше будет, если она окажется его полной собственницей.

Гуров имел представление о том, какие нравы и принципы бытуют в среде тех, кто «держит нищих». Если Щеглов не врал и бойфренд Марины действительно был связан с этой подпольной мафией, то можно было не сомневаться в том, что человеческая жизнь для него значит не больше, чем разменная монета.

Сообразив, что, пока Марина официально не разведена с Березиным, она по закону является его прямой наследницей, он решается на устранение журналиста.

– Вы в курсе, в какой стадии находится строительство этого коттеджа? – обратился Лев к Светлане.

– В стадии крыши, – выпалила она. – Дом практически готов, подведены все коммуникации. Осталось только отделать.

«И заживет Ильнур с молодой женой в новом доме счастливо и беззаботно», – мысленно закончил за нее фразу Гуров.

Все совпадало. Весомый мотив, социальная принадлежность предполагаемого заказчика, наверняка не страдавшего чрезмерной щепетильностью и совестью, а также сам метод совершения преступления. Ножом по горлу – этот как раз из той серии. Контингент, среди которого Гумеров предположительно мог бы искать исполнителя, частенько решал насущные проблемы с помощью этого незаменимого кухонного инструмента.

– Кроме Марины, кто-то еще мог быть заинтересован в смерти Евгения? – вновь спросил он у Светланы. – Конкуренты из других программ, завистники, просто злопамятные люди? У него были враги?

– Что касается заинтересованности – навряд ли, большей выгоды, чем Мариночка, от смерти Жени никто не получал. А насчет конкурентов... Были, конечно, завистники. Хотя бы тот же Антон. Это ведущий, у него похожая программа, – пояснила она. – «Независимая экспертиза» называется. Но по рейтингам он до Жени никогда не дотягивал, и это его, насколько я знаю, не на шутку огорчало. Наверное, ночами не спал, бедный. Но так, чтобы убить... Не знаю. Мне кажется, из наших никто на подобное не способен. Из тех, кто работает на студии, я имею в виду.

– Но ведь и Марина работает на студии, – напомнил Лев.

– Да... действительно, – растерялась Светлана. – Выходит, исключать ничего нельзя.

Исключать ничего было нельзя, но, поскольку нельзя заниматься несколькими делами сразу и одновременно находиться во многих местах, Гуров решил главные усилия направить на разработку наиболее перспективной версии.

Такой версией на данный момент была версия «личная».

Самый весомый мотив, возможность осуществления преступления и сам способ, которым все было совершено, – все эти факторы указывали на Марину и ее «друга».

Он не имел практически никакой информации о том, как проходит их жизнь, а следовательно, не мог ни выстроить обоснованную гипотезу о том, как шла подготовка преступления, ни определить стратегию, с помощью которой удалось бы уличить и поймать преступников. Чтобы определиться с этими важными вопросами, необходимо было добыть дополнительную информацию, и, уезжая от Светланы, Лев уже знал, что весь следующий рабочий день посвятит слежке.

С вопросом, за кем именно в первую очередь необходимо проследить, он определился быстро.

Даже если инициатором преступления была Марина, организатором процесса, без сомнения, был Гумеров. У администратора, работающего в команде популярного тележурналиста, просто не могло быть связей и знакомств, которые давали бы возможность успешно проводить в жизнь подобные замыслы. Понятно, что подобные знакомые могли быть только у Гумерова, и Гуров имел твердое намерение с некоторыми из этих знакомых сойтись поближе.

Адрес Гумерова он записал еще утром, когда пробивал номер его машины. С него-то завтра и начнет.

Паркуясь возле своего дома, Гуров вдруг вспомнил многозначительное замечание, как бы вскользь брошенное Щегловым в конце первого их разговора, когда он следил за отъезжавшими от телестудии Мариной и Ильнуром.

«Это еще вопрос, кто больше выиграл от этого расставания, Женя или Марина», – кажется, так он сказал.

Могла ли эта фраза указывать на то, что Щеглов знал или догадывался, кто в действительности стоит за этой смертью? Вопрос был очень интересным и отнюдь не праздным, и он решил, если представится возможность, прозондировать почву в этом плане.

На следующее утро Гуров поехал в Сокольники, где проживал Гумеров.

Оказалось, что квартира его находится в элитном доме, с огороженной дворовой территорией и видеокамерами, насквозь эту территорию просматривающими.

Поняв, что расположиться во дворе не удастся, он припарковал машину неподалеку, так, чтобы удобно было наблюдать за воротами из кованых прутьев, через которые въезжали и выезжали машины.

В половине десятого Лев заметил, как к воротам подъехала знакомая черная «Тойота». На передних стеклах не было тонировки, и он увидел на пассажирском сиденье Марину. Сам Гумеров сидел за рулем.

Уже догадываясь, куда двинется джип, Лев завел двигатель и, вырвав из укромного местечка, откуда наблюдал, медленно двинулся к трассе.

Как он и ожидал, «Тойота» взяла курс на телестудию. Высадив Марину возле здания, Ильнур дождался, когда она войдет внутрь, и после этого выдвинулся в направлении, которое Гуров уже не мог предсказать заранее. Тем внимательнее он наблюдал за движением джипа.

Но вскоре выяснилось, что ничего криминального или подозрительного это движение не предполагает и цели его самые что ни на есть легальные. Ильнур объезжал свои стоянки.

Путешествие заняло несколько часов; обревизовав последнюю стоянку, Гумеров поехал в ресторан. Это было заведение, специализирующееся на кавказской кухне, и судя по тому, как приветливо его встретили, он был здесь завсегдатаем.

Пользуясь тем, что Ильнур не знает его в лицо, Гуров, не скрываясь, свободно зашел следом и занял соседний столик. Но едва лишь успел он сделать заказ, как понял, что время и деньги будут потрачены совершенно напрасно.

Гумеров, по-видимому, не любил обедать в одиночестве, вскоре за столик к нему подсели друзья, и между ними завязался оживленный и довольно эмоциональный разговор, но извлечь из этих бойких речей какую-нибудь пользу не было никакой возможности – разговор шел на родном языке.

Но кое-какие результаты обед в ресторане кавказской кухни все-таки дал.

Во время трапезы, щедро перемежаемой разговором, в зал несколько раз заходили некие личности, внешний вид которых весьма красноречиво свидетельствовал о том, что оплатить обед здесь они точно не в состоянии. Личности подходили к столику, за которым сидела компания, что-то говорили, обращаясь иногда к Гумерову, иногда еще к кому-либо из присутствующих, и, выслушав ответ, иногда краткий, иногда более пространный по содержанию, убирались восвояси.

Это дало Гурову повод предположить, что стоянки – не единственная и, возможно, даже далеко не самая главная сфера деятельности, в которой орудует Ильнур. Ребята явно приходили с докладом, и, прислушиваясь к словам очередного посетителя, полковник даже смог составить предположение, о чем именно шла речь.

Несколько раз повторенное имя Заира, слова «ребенок» и «умер», произнесенные по-русски, а также базовые сведения об особенностях «работы» столичных нищих, которыми располагал Гуров, позволяли с высокой долей вероятности утверждать, что Щеглов не соврал и Ильнур действительно имеет к этим нищим самое непосредственное отношение. И, конечно же, не как один из тех, кто входит в несчастные ряды попрошаек.

«Заира. Цыганка? – думал Лев, пережевывая ароматное, обжигающее специями мясо. – Они частенько присаживаются где-нибудь с младенцем на руках. Младенец, опоенный водкой или обколотый димедролом, безмятежно спит, а «кормящая мать» кланчит деньги, давя на жалость. Помнится, кто-то из ребят говорил, что младенцы эти выдерживают максимум месяца три-четыре. Потом их просто выбрасывают на помойку, как изношенную вещь, и «кормящая мать» получает новую «живую куклу», которая тоже протянет не больше четырех месяцев. Сколько там они стоят? Кажется, не слишком дорого. По крайней мере, дешевле калек».

Тем временем дружная компания постепенно завершала трапезу. «Докладчики» больше не приходили с отчетом, и сотрапезники, насытившись, лишь время от времени прикладывались к бокалам, наполненным рубиново-красным вином.

«Под занавес» в ресторане появился еще один гость. Это был высокий мужчина с хорошо читавшейся сквозь одежду мускулатурой. Он подошел к Ильнуру, и тот молча отдал ему какие-то ключи. Видимо, этот накачанный парень был водителем и телохранителем в одном лице.

Поняв, что Ильнур вот-вот отправится к машине, Гуров поспешил рассчитаться и покинуть ресторан.

Следующий маршрут, который Гумеров преодолевал уже в качестве пассажира, лежал, как вскоре выяснилось, на частную швейную фабрику. Мускулистый парень припарковал машину возле входа в обшарпанное трехэтажное здание, Гумеров вышел, а парень остался за рулем ждать.

Такое положение вещей совершенно не устраивало полковника. Тот факт, что теперь в машине Гумерова постоянно находится «живой видеорегиистратор», существенно уменьшал ему пространство для маневра и мешал проводить слежку. Но выбирать не приходилось.

На фабрике Ильнур пробыл недолго. Не прошло и двадцати минут, как он вновь появился в поле зрения Гурова и сел в машину. Оказалось, что на этот раз целью Ильнура была телестудия. Когда машина припарковалась возле здания, никто из нее не вышел. Гумеров перебрасывался короткими фразами со своим водителем, говорил по телефону, просто сидел, бездумно глядя в лобовое стекло, но покидать салон, по-видимому, не собирался.

Наконец из дверей здания появилась Марина. Гуров не мог слышать, что она говорила, подойдя к машине, но по виноватой улыбке можно было предположить, что женщина в чем-то оправдывается.

Гумеров вышел, открыл перед ней заднюю дверцу, а потом сам тоже устроился на заднем сиденье.

Следующую остановку черная «Тойота» сделала возле конторы нотариуса. Заинтригованный, Гуров лихорадочно искал способы подобраться поближе и хоть краем уха подслушать разговоры.

В целом ландшафт предоставлял возможности для маневра. Контора располагалась на первом этаже в торце жилого здания, так что человек, находившийся в автомобиле, припаркованном со стороны подъездов, не мог видеть, что происходит с другой стороны. А «Тойота» подъехала именно со двора.

Увидев в этом неплохой шанс для получения хоть какой-то отдачи от своих сегодняшних трудозатрат, Лев объехал здание и припарковался напротив его лицевой части. Первый этаж, как водится, целиком был отдан под нежилые помещения, поэтому здесь имелись все условия для непродолжительной парковки.

Поставив машину, он прошел к нотариальной конторе, чтобы оценить шансы на успешное подслушивание.

Здание имело довольно высокий цоколь, поэтому первый этаж находился высоко от земли. К тому же пластиковые окна были плотно закрыты, и услышать, о чем говорят внутри, было невозможно. Но затейливая архитектурная конфигурация фасада обеспечивала полную возможность незаметно подслушать то, о чем клиенты будут разговаривать, выходя из конторы.

Массивная лестница с огромным количеством дополнительных элементов, представляла собой причудливый лабиринт ниш и выступов, где легко мог затеряться и более крупный объект, чем полковник полиции.

Без труда найдя для себя укрытие, Гуров притаился в тени, приготовившись терпеливо ждать.

Терпение ему действительно пригодилось. Гумеров и Марина прибыли в контору нотариуса около трех часов, а когда они вышли оттуда, стрелки показывали четверть пятого.

– А ты уверена, что тебе удалось бы? – спрашивал Ильнур, по-видимому, продолжая начатый разговор.

– А почему нет? – возбужденно отвечала Марина. – Судья была на моей стороне, адвокат старался. Еще чуть-чуть поднажать, и шашка была бы в дамках. А так...

– Да, чуть-чуть он недотянул.

– Что теперь говорить об этом? Бессмысленно. Сколько горбатилась на него, пылинки сдувала. Все прахом.

– Но ведь твоя доля там тоже есть, – старался подбодрить Ильнур.

– Доля. Что это за доля? Жалкая подачка, не больше. Даже если бы мы поделили все пополам, как он хотел, я и то получила бы больше. А так... все прахом. В равных частях всем родственникам. А? Это надо же такое придумать!

– Но ты ведь и раньше об этом знала. Что же сейчас понапрасну переживать?

– Да, конечно, я знала. Только не знала, что настанет такой момент, когда это шутовское завещание обретет реальную юридическую силу. Даже предположить не могла. А оказывается, нужно было предполагать. Все нужно предусматривать и заранее просчитывать. Чтобы не оказаться, как я теперь, у разбитого корыта.

– А много у него родственников?

– Тьма! – в сердцах выкрикнула Марина. – Мама, папа, братик, сестренка. Хорошо хоть бабушек с дедушками не вписал, а то бы всем ровно по два рубля досталось.

– Ладно, не переживай так.

– Тебе хорошо говорить. А подумай, каково мне. Одно дело – на две части деньги поделить, а другое – на пять. Да еще и денег-то там нет. Чтобы их делить, его еще продать надо, этот коттедж.

– А если достроить?

– Кто его будет достраивать? Мы впятером? Абсурд! Придется продавать, и, помяни мое слово, затянется эта история на самый что ни на есть неопределенный период времени. Ладно, идем. Чего попусту воздух колебать разговорами? Что случилось, то случилось. Назад уж теперь не отыграешь.

Парочка спустилась по массивной лестнице вниз, и через минуту Гуров услышал приглушенное урчание двигателя «Тойоты».

Выждав несколько минут, чтобы машина отъехала, он выбрался из своего укрытия и поспешил вверх по широким ступеням.

Подслушанный разговор настолько кардинально менял весь расклад по делу, что Гуров уже не видел никакого смысла в продолжении слежки.

Из слов Марины следовало, что живой Березин для нее был гораздо выгоднее мертвого. Лев пока не знал, в связи с чем Березин решил написать завещание, но из разговора Марины и Ильнура ясно следовало, что сама она была в курсе и того, что завещание это есть, и того, что в нем написано. Зная, чем может обернуться внезапная смерть супруга, было бы верхом легкомыслия эту смерть провоцировать.

Можно, конечно, предположить, что, не зная о существовании завещания, убийство организовал Ильнур. Но если судить по его реакции на эту «новость», она не только не вызвала огорчения или досады, но вообще прошла почти незамеченной. Даже Марину он успокаивал скорее формально, чем действительно глубоко сочувствуя, а уж сам в сочувствии точно не нуждался.

«Спокоен как танк, – думал Гуров, открывая входную дверь. – Нехарактерно для человека, надеявшегося сорвать куш, приложившего для этого усилия, вплоть до организации уголовного преступления, и в результате оставшегося ни с чем. Такой человек не будет, флегматично покуривая, отделяваться фразами типа: «Ладно, не переживай». Он будет рвать, метать, кусать себе локти и нецензурно выражаться в общественных местах. И Ильнур на такого человека просто до безобразия не похож».

– Добрый день. Могу я поговорить с... Лидией Ивановной?

Помещение, в котором он оказался, представляло собой нечто вроде приемной. За столом с компьютером сидела миловидная девушка, по стенам стояли диванчики, предназначенные, по-видимому, для истомленных клиентов, ожидающих своей очереди. Сейчас диванчики были пусты.

Из приемной вела только одна дверь, возле которой красовалась табличка с надписью: «Карташова Лидия Ивановна, нотариус».

– А вы по какому вопросу? – спросила девушка, по-видимому, не склонная пускать к нотариусу каждого, кто зашел с улицы.

– По личному, – ответил Гуров, разворачивая перед ней удостоверение. – Решил зайти сам, чтобы ваша начальница не тратила время и силы на визиты ко мне в кабинет. Могу я поговорить с ней?

– Да... конечно... наверное. Одну минуту, – растерянно бросила переполошившаяся девушка, явно не зная, как должна реагировать.

Наконец, приняв единственно правильное решение, она выскочила из-за стола и метнулась в кабинет. Минуты через три появилась снова и выглядела уже гораздо спокойнее.

– Проходите, прошу вас. Лидия Ивановна вас ждет, – плавно проговорила она, после чего вновь заняла свое место за столом.

Поблагодарив, Лев вошел в кабинет.

Глава 4

– Добрый день, – вежливо поздоровался Гуров.
– Здравствуйте. Чем могу помочь? – вопросительно посмотрела на него Лидия Ивановна.
– Клиентку, которая только что вышла от вас, зовут Марина Березина, правильно?
– Возможно. Но данные клиентов – это конфиденциальная информация, и боюсь, что...
– Боюсь, что в данном случае конфиденциальность придется нарушить. Мне необходимо прочесть завещание, которое оставил ее муж, и, если вас не убеждают мои слова, придется принять более жесткие меры, вплоть до обыска и конфискации. Вы уверены, что вам нужна такая реклама?

Лидия Ивановна несколько минут молчала, явно просчитывая разные варианты развития событий и оценивая шансы, потом произнесла:

– Но если я буду всем давать для прочтения документы, составляющие личную тайну моих клиентов, это тоже не будет хорошей рекламой.

– Во-первых, я – не «все». Во-вторых, как вы, возможно, и сами догадались, прочесть этот документ я хочу вовсе не из праздного любопытства. Евгений Березин был убит, и сейчас я отрабатываю возможные мотивы преступления, в том числе и мотивы возможных наследников. И в-третьих, – немного о рекламе. Надеюсь, вы понимаете разницу между тем случаем, когда документ просмотрю я лично, здесь, в пределах вашего кабинета, даже не вызывая вас в свой, и тем, когда в вашу контору придет группа спецназа и потребует ключи от сейфов? Какая реклама, по-вашему, будет действеннее?

– Ну хорошо, – как бы смиряясь с неотвратимым, сказала Лидия Ивановна. – Я покажу вам завещание, но... убедительно прошу по возможности не распространяться о том, откуда вы получили информацию. Все-таки это нарушение профессиональной этики. В каком-то смысле.

– Соблюдение профессиональной этики не важнее жизни человека, – парировал Гуров.

Тем временем нотариус открыла сейф и достала оттуда документ, состоявший из двух листов формата А4, скрепленных степлером.

На первой странице стояла дата и указывалось, что документ этот составлен Евгением Березиным, находящимся «в здравом уме и твердой памяти», на случай безвременной кончины.

Судя по дате, с момента составления завещания прошло уже около восьми лет. Учитывая, что на момент смерти Березину было слегка за тридцать, выходило, что он решил написать завещание, будучи еще очень молодым человеком, только-только начинавшим журналистскую карьеру.

Что могло подвигнуть молодого, полного сил парня на подобный шаг?

Поразмыслив об этом и припомнив слова Неклюдова о том, что поначалу расследования в «Специальном репортаже» были вполне реальными, Гуров подумал, что, возможно, Березин написал завещание после какого-то случая, когда он столкнулся с угрозой для жизни. Известно, насколько серьезно сам он рассматривал этот акт, но завещание было составлено, и, если бы коварные мошенники или нечистоплотные дельцы от бизнеса задумали убрать журналиста-разоблачителя с дороги, оставшиеся после него активы не стали бы причиной финансовых скандалов в семье и судебных разбирательств.

Из активов на тот момент Березин владел квартирой в Измайлово и земельным участком в районе Калужского шоссе. В случае его внезапной смерти права на эту собственность распределялись самым незатейливым способом – в равных долях между родителями, братом, сестрой и Мариной, на которой в тот момент он уже был женат.

Наследникам предоставлялось два варианта на выбор – либо продать имущество и деньги поделить на пять равных частей, либо переоформить его в долевую собственность, разделив на пять равных долей.

Поскольку о начале строительства элитного коттеджа на участке в то время даже речи не было, он прошел в качестве формального пункта перечислений под рубрикой «иные активы». Это был стандартный абзац, в котором «на всякий случай» перечислялись другие виды имущества, если возникнет спор относительно права наследования. Здесь указывались финансовые счета, авторские права и еще много интересного, а также имелся пункт «объекты незавершенного строительства».

По условиям завещания, все перечисленное в этих пунктах, должно было быть поделено между ближайшими родственниками в тех же пяти равных долях.

Таким образом, недостроенный коттедж, о котором в момент составления завещания, Березин наверняка даже и не мечтал, автоматически вошел в его условия, и безутешная вдова теперь не могла даже подать в суд, ссылаясь на то, что коттедж возводился на «совместно нажитые» средства.

Условия завещания оговаривались четко и недвусмысленно, и ни один адвокат не взялся бы отстаивать «объект незавершенного строительства», судьба которого заранее предreshена нотариально заверенным документом.

– А вы не в курсе, почему завещатель делит свое имущество между всеми членами семьи, а не оставляет его супруге? – поинтересовался Гуров.

– Насколько мне известно, квартира и участок, о которых идет речь, тоже получены по завещанию, – недовольным тоном, демонстративно подчеркивая, что отвечает только потому, что ее к этому вынудили, ответила Лидия Ивановна. – Их оставила господину Березину бабушка по отцовской линии. Я не очень в курсе всей предыстории, но, кажется, здесь что-то связано с тем, что он – младший ребенок в семье и к тому времени, когда бабушка решила написать завещание, старшие были уже обеспечены и жильем, и финансово. Как говорится, встали на ноги. Она хотела поддержать младшего внука, и, возможно, такие условия завещания самого господина Березина – это нечто вроде ответной любезности. Поскольку все это имущество он получил от родственников, то хотел, чтобы к ним же оно и вернулось в случае, если произойдет трагедия. Супруга, как видите, тоже не осталась в стороне, но ее право такое же, как и у всех остальных, – пятая часть.

– Она знала о содержании завещания?

– Разумеется. Но, кажется, не относилась к этому серьезно. Похоже, никто не предполагал, что настанет трагический день, когда оно может действительно вступить в силу.

– Благодарю вас за содействие и исчерпывающие объяснения, – холодно улыбнулся Лев. – Осталось только сделать ксерокопию этого документа, и больше я вас не побеспокою.

– Ксерокопию?..

Лидия Ивановна, кажется, снова собиралась высказаться на тему профессиональной этики, но, взглянув в лицо полковнику, просто позвала секретаршу и велела ей скопировать документ.

Когда Гуров вышел от нотариуса, было около шести вечера. Рабочий день, а вместе с ним и неделя заканчивались, и он с недоумением осознал, что сейчас пребывает практически там же, где находился несколько дней назад при начале этого расследования, – у исходной точки. Потрачены время и силы, проведена большая работа, а расследование, по сути, не продвинулось ни на шаг.

Две сильные и логически вполне обоснованные версии не выдержали проверки и рассыпались как карточные домики. Террористы, на которых падало самое очевидное подозрение, оказались совсем не террористами, а коварная изменщица-жена на поверку оказалась вовсе не такой кровожадной и в результате от смерти мужа потерпела только убыток. Зная условия

завещания, она не пыталась склонить Березина к тому, чтобы он переписал его, а значит, подозревать ее в организации убийства нелепо.

«Да и Гумеров тут, скорее всего, ни при чем, – тоскливо думал Лев, возвращаясь к машине. – Все-таки не пацан зеленый, чтобы вот так вот, не узнав подробностей, очертя голову действовать. Убийство – серьезное преступление, даже если оно хорошо организовано, и риск, что тебя раскроют, минимальный. Сама эта «хорошая организация» уже предполагает тщательный предварительный анализ и наведение справок. Даже если и приходила в голову Ильнура мысль о том, что после смерти Березина Марина сможет унаследовать неплохое имущество, не может такого быть, чтобы он не поинтересовался, а нет ли еще каких-нибудь наследников. И даже если он и имел кроважидные замыслы в отношении Березина, все они наверняка испарились в мгновение ока, как только он узнал о завещании».

Оставалось лишь последнее, «профессиональное» направление и неизвестный пока полковнику Эдик Смирнов, мечтавший, по отзывам коллег, занять его место в «Специальном репортаже».

Эта версия изначально не казалась Гурову особенно перспективной, все же стремление перейти из одной программы в другую – не такой уж сильный мотив, чтобы из-за этого решиться на убийство. Но система ценностей у всех разная, и, возможно, для этого самого Эдика место ведущего в «Специальном корреспонденте» стоит любых жертв.

В любом случае раз уж «террористическое» и «личное» направления завели в тупик, искать подоплеку нужно в профессиональной среде. Больше просто негде.

Начало новой рабочей недели ознаменовалось происшествием, которое вновь перевернуло расследование с ног на голову.

В середине дня, проходя по коридору, Гуров услышал громкие и отчетливые словывкрики. Генерал Орлов, направляясь в свой кабинет, говорил по телефону:

– Да! Да! Я понял. Понял. Ясно. Сейчас пришло... – Заметив Гурова, он оторвался от трубки и замахал ему рукой: – Лева, заходи ко мне, разговор есть.

«Как пить дать, еще один «глухарь» повесит, – подумал Лев, минуя дверь своего кабинета и направляясь к приемной генерала. – А то мне с этим Березиным возни мало».

– Съезди вот по этому адресу, – сказал Орлов, подойдя к своему столу и набрасывая что-то на бумаге. – Там чрезвычайное происшествие, думаю, тебя заинтересует. Мне только что доложили.

– А почему вы решили, что это меня заинтересует? – спросил Гуров, подозрительно косясь на листок, который протягивал ему генерал.

– А ты съезди, тогда и узнаешь. Похоже, по твоему делу новый эпизод нарисовался. Съезди, определись. Хотя напрямую, конечно, ничто не указывает, но... Думаю, связь есть.

Все еще не понимая, на какое именно дело намекает генерал, ведь в разработке ведущего опера их было всегда несколько, Гуров взглянул на адрес, написанный на бумаге. Адрес не говорил ему ровным счетом ни о чем.

– Это в Ново-Переделкино, – пояснил Орлов. – Там в одной квартире нашли три трупа. Все – мужчины, у всех – глубокий разрез на шее. Следишь за моей мыслью?

Мысль была проста и очевидна. Но в свете той информации, которую Гурову удалось добыть в ходе расследования обстоятельств убийства Евгения Березина, она казалась новым необъяснимым парадоксом.

Еще не зная, что «террористическое» направление потерпело полное фиаско, генерал явно намекал на то, что террористы, напавшие на Березина, пополнили список своих «черных» дел еще одним кровавым преступлением и теперь, возможно, их проще будет отыскать.

Действительно, перерезанное ножом горло – почерк достаточно характерный, и очень велика была вероятность, что и в том и в другом случае действовал один и тот же человек. Но

Гуров уже успел убедить себя, что человек этот не имеет никакого отношения к террористическим организациям, и теперь находился в большом недоумении.

С одной стороны, люди, изображавшие террористов в репортаже Березина, были приглашенными актерами, и это удалось доказать. С другой – квартира, в которой обнаружили трупы, если верить Орлову, находилась в Ново-Переделкино, а полковник хорошо помнил, что именно этот район упоминался в репортаже как тайное обиталище подпольной ячейки.

– Ничего не понимаю, – вполголоса пробормотал Лев, уставившись на адрес.

– Да чего здесь непонятного, – с досадой возразил генерал. – Наоборот, все предельно очевидно. Эти ребята устроили очередную акцию, наверняка жирно наследили, и теперь их легко будет сцапать.

– В самом деле?

– Даже не сомневайся!

– Мне бы ваш энтузиазм.

– А ничто и не мешает тебе его иметь. Езжай сейчас на место, ориентируйся в обстановке, опрашивай соседей и очевидцев, и, вот помяни мое слово, – двух дней не пройдет, как отыщутся следы этих негодяев.

– Вашими бы устами... – буркнул себе под нос Гуров, выходя из кабинета.

Он очень сильно сомневался в том, что парень, так ловко перерезающий налево и направо глотки, является террористом. Но и другое объяснение этим новым жертвам подобрать было сложно.

С первого преступления не прошло и недели, только безумец стал бы так подставляться. Убивать снова, причем нескольких человек, к тому же точь-в-точь таким же способом, каким было совершено предыдущее преступление, – это мог сделать только безумец. Или человек, доведенный до отчаяния.

Когда Гуров прибыл на место, ему в очередной раз пришлось изумляться. Он даже ощутил нечто вроде дежавю. Район, в котором он очутился, окружающий пейзаж, а главное, дом, куда ему предстояло сейчас отправиться, чтобы осмотреть место происшествия, – все это целиком и полностью повторяло видеоряд, сопровождавший репортаж Березина.

Именно этот двор и именно этот дом присутствовали на экране, когда за кадром говорилось о тайном месте встречи участников группировки.

Но, поднявшись на третий этаж и войдя в квартиру, где уже вовсю хозяйничала опергруппа, Гуров с удовлетворением констатировал, что жертвы преступления с ребятами, нанятыми для съемок репортажа, не имеют ничего общего.

В допотопной «хрущевке», среди старой, ободранной мебели и разбросанных в беспорядке вещей, разыгралась настоящая кровавая драма.

Первую ее жертву Лев обнаружил прямо в коридоре. Туда выходила дверь из смежного санузла, и, очевидно, убийца подкарауливал удобный момент, стоя рядом с этой дверью. Труп лежал в неестественной позе, перегородив тесный коридор, где и без того было не развернуться. Голова мужчины свесилась на грудь, и на то, как именно пришла к нему смерть, указывала лишь длинная бурая полоса, идущая поперек шеи. Убитый был очень худым, но небольшая темная борода делала лицо его благообразным и даже приятным на вид. Лицо это не имело ни малейшего сходства с внешностью безбородых юношей, с которыми не так давно общался полковник.

Кое-как перебравшись через скрюченное тело, он прошел в комнату.

На диване, перед выключенным уже телевизором сидел, а точнее, полулежал, завалившись набок, средних лет мужчина с темными усами и восточными чертами лица. Голова его была запрокинута, открывая взорам глубокий разрез на шее с коричневой, давно запекшейся кровью. Диван находился посередине комнаты, и не было никаких сомнений, что убийца полос-

нул ножом свою жертву, зайдя за спинку, как и в случае с Березиным, смерть здесь, по-видимому, наступила сразу.

Квартира была однокомнатной, и Гуров решил, что третью жертву, очевидно, нужно искать на кухне.

Пройдя туда, он увидел на полу человека. Поза его очень напоминала ту, в которой перед лифтом лежал Березин. Вытянутое во весь рост тело и неестественно далеко запрокинутая назад голова. Вокруг снова было много крови, вид и цвет которой говорил о том, что с момента совершения преступления времени прошло немало.

– Когда их обнаружили? – обратился он к одному из оперативников.

– Сегодня, около десяти утра. Хозяйка пришла за деньгами – это, по-видимому, ее квартиранты – и обнаружила. Сюрприз. Пожилую женщину чуть инфаркт не хватил. Еще немного – и сама бы легла тут рядом.

– А сейчас она где?

– У соседей. Валерианкой отпаивают. Вам, наверное, нужно будет поговорить с ней?

– Разумеется.

– Лучше это сделать у соседей. Здесь не стоит.

– Да уж. Что по поводу времени смерти? – обратился Лев к мужчине средних лет, мазавшему поверхности черным порошком, проявляющим отпечатки.

– Сутки точно есть. Точнее не скажу. Нужен лабораторный анализ, на глаз не получится.

– Но в любом случае – выходные? Суббота или воскресенье?

– Да. Раньше навряд ли. При такой температуре уже началось бы разложение, здесь дышать невозможно было бы.

– Да и сейчас запах чувствуется, – вставил свое замечание оперативник, с которым до этого беседовал Гуров.

Между тем сам он, в очередной раз обводя взглядом квартиру, пытался, как сказал Орлов, «сориентироваться».

Тот факт, что трупы находились в разных помещениях, помимо весьма характерного «почерка», ясно и недвусмысленно указывал на то, что все три преступления совершил один человек.

«С кого он начал? – переводя взгляд на диван, пытался определить Гуров. – С этого? Или с того, что на кухне?»

Зайдя за спинку дивана и попытавшись определить, под каким углом обозревал пространство находившийся там человек, он решил, что именно «телезритель» был убит первым. С его позиции была видна почти половина кухни и часть коридора, и если бы он заметил, что там происходит что-то неординарное, навряд ли продолжал бы спокойно сидеть и смотреть телевизор.

Устранив опасного очевидца, преступник, скорее всего, перешел на кухню. Если в этот момент телевизор продолжал работать, а на кухне, например, была включена вода, ничего удивительного в том, что находившийся там человек не слышал никаких подозрительных звуков и не заметил опасных движений.

Судя по всему, подобный способ лишения жизни был привычным для преступника, и он потому и являлся его приверженцем, что техникой исполнения владел виртуозно. Вполне возможно, что с помощью регулярных «тренировок» он научился резать горло так, что жертва не издавала ни звука.

Так что же могло произойти в этой квартире, где четыре «друга» собрались на уик-энд?

Сначала они спокойно разговаривали, пили, закусывали, обсуждали свои дела. Остатки еды на столике перед диваном и на кухне, а также недопитая водка в стаканах красноречиво подтверждали это. Потом один из них, в голове которого уже созрел коварный замысел, решил, что наступил очень удобный момент для его исполнения.

Один из его товарищей отправился в туалет, другой зачем-то пошел на кухню. В комнате, кроме него, остался только один человек, он сидел на диване, уставившись в экран телевизора, и, конечно, не ожидал того, что сейчас ему перережут глотку.

Убийца зашел сзади и привычным движением сделал свой фирменный глубокий разрез. Жертва не издала ни звука, и тот, кто находился на кухне, ничего не заподозрил.

Убийца быстро направился туда и повторил кровавое «упражнение».

После этого он вышел в коридор и встал недалеко от входной двери. Дверь из санузла открывается наружу, и когда третий его товарищ выходил, преступник оказывался как бы в укрытии. Заслоненный открытой дверью, он для жертвы был не виден, так же, как и она для него, но через секунду жертва стала закрывать дверь и оказалась спиной к стоящему за ней убийце. Исход предreshен.

Нарисовав в воображении эту картину, Гуров подумал, что она не лишена достоверности. Все вполне могло бы произойти именно так.

Однако это все же не указывало ни на мотив преступления, ни на то, принадлежал ли преступник и его жертвы к какой-либо экстремистской организации, или это были просто очередные бытовые разборки поссорившихся собутыльников.

– В какой квартире хозяйка? – вновь обратился он к оперативнику.

– В сто семнадцатой, – с готовностью ответил тот. – Это здесь же, на площадке. Соседняя.

Перебравшись через труп в коридоре, Лев вышел на лестничную площадку и позвонил в соседнюю дверь.

Ему открыла молодая белокурая женщина. Узнав, что он из полиции и хочет допросить хозяйку, она согласно кивнула, будто это и ожидала услышать, и пригласила его пройти в квартиру.

– Мы не очень вам помешаем, если расположимся здесь, у вас? – вежливо улыбаясь, спросил Лев.

– Нет, нет, что вы! Нисколько не помешаете, – заверила женщина. – Наоборот, у нас будет только лучше. Ирине Петровне ни в коем случае нельзя заходить в эту квартиру. Она до сих пор в себя не может прийти. Если бы вы слышали, как она кричала!

Квартира соседей состояла из двух комнат, хотя обставлена была ненамного богаче той, которую сдавала Ирина Петровна.

Белокурая женщина провела полковника в спальню, где на одной из двух узких кроватей сидела очень расстроенная на вид пожилая дама со сбившейся прической.

– Ирина Петровна, – обратилась к ней женщина, – это из полиции. Ему нужно поговорить с вами. Вы сможете?

– Да, Верочка, конечно, – устало проговорила дама. – Я постараюсь.

– Проходите, присаживайтесь, – пригласила Вера, пропуская Гурова в спальню. – Здесь вам никто не помешает.

– Здравствуйте, – обратился он к Ирине Петровне. – Меня зовут Лев Гуров. Оперуполномоченный по особо важным делам. Если я правильно понял, это вы первой обнаружили... происшедшее?

– Да уж. Обнаружила, – с волнением проговорила Ирина Петровна. – Никому бы нежелала такое... обнаружить.

– Эту квартиру вы сдаете? Кто из... пострадавших был вашим квартирантом? Все трое?

– Нет. У меня снимали Юсуф и Заур. Это он там, в коридоре. Заур. Я как увидела, меня чуть паралич не разбил. Как заору. Вон, Вера не даст соврать, на весь дом, наверное, кричала. Кто там еще был, не знаю. Краем глаза видела, что в комнате еще кто-то есть, но туда даже заходить не стала. Не в тех я годах, чтобы на такие ужасы смотреть.

– А как вы попали в квартиру? Дверь была открыта?

– Нет, не была. Я сначала позвонила. Они обычно сразу открывали. А в этот раз никто не подходил. Раза три нажала на кнопку. Потом стала стучать. Когда опять никто не открыл, решила, что дома никого нет, думала, вышли куда-нибудь, может, в магазин за продуктами. Но что же мне, из-за этого домой возвращаться? Открыла своим ключом. Думаю – посижу, подожду, наверное, придут скоро. А как зашла... чуть было следом за ними на тот свет не отправилась.

– Не припомните, сколько было времени, когда вы зашли в квартиру?

– Около десяти, наверное. Я в половине десятого из дома вышла, идти мне минут двадцать – двадцать пять. Я недалеко здесь живу. У дочери. Так что, если что нужно, всегда пешком хожу. Пешком ходить полезно.

– Понятно. А в этот раз с какой целью вы пришли?

– Как же? Деньги забрать. У них срок подошел, за аренду платить надо было. Вот я и пришла. Я за деньгами всегда сама прихожу.

– А ваши квартиранты как жили? Были у вас к ним претензии?

– К ним-то? Да нет. Нормальные ребята. Я поначалу побаивалась, мол, нерусские, мало ли что. Но потом ничего. Привыкла. Платили они аккуратно, соседи на них не жаловались. Да и квартиру тоже более-менее в порядке держали. Даром что парни. Нет, ничего. Не было претензий.

– Вы сдаете квартиру через риелторов или самостоятельно?

– Когда как. Когда и девочки кого находят, когда и сама.

– А в этот раз?

– В этот раз посредница жильцов мне подыскала. Все гарантиями заманивала. Вы, говорит, не смотрите, что они нерусские, наша фирма порядок гарантирует. А что там они могут гарантировать? Точно так же первый раз в жизни их видят, как и я.

Но у Гурова на этот счет имелось свое мнение. Если квартиранты Ирины Петровны и впрямь были как-то связаны с экстремистскими формированиями, не исключено, что «посредница» была человеком не случайным и видела этих ребят далеко не первый раз в жизни.

– А что за фирма? – как бы между прочим поинтересовался он. – Действительно солидная или так, только цену себе набивают?

– Фирма-то? Да кто их знает. Я и не запоминала даже. Их сейчас, фирм этих, пруд пруди. Как собак нерезаных развелось. Просто позвонила какая-то девочка, сказала, что есть у нее на мою квартиру клиенты.

– А как она узнала, что вы сдаете квартиру?

– Как? Да очень просто. Я и сама многим звонила, риелторам, я имею в виду. Предлагала им квартиру на сдачу. Да и в Интернете мой телефон есть. Дочь у меня разбирается, так я ее попросила дать объявление. Они ведь и в Интернете тоже данные смотрят, риелторы-то. Вот так и узнали. Очень просто.

– Понятно. А телефон этой девушки у вас, случайно, не сохранился?

– Как же. Обязательно. И телефон, и имя свое мне написала. Прямо в договоре.

– Отлично! А у вас этот договор, случайно, не с собой?

– Да нет. Зачем я каждый раз буду договор с собой таскать? Они, чай, и так знают. Срок подошел – будь добр, заплати. Это уж известно.

– Ирина Петровна, мне будет необходимо просмотреть договор аренды. Вы ведь говорили, что проживаете не очень далеко отсюда. Не сможет кто-нибудь из ваших домашних принести его? Пока мы с вами беседуем, он как раз успел бы подойти.

– Договор? – медленно проговорила Ирина Петровна. – Не знаю. Рита сейчас на работе. Разве что Зина. Это внучка моя. Могу позвонить ей. Если она сейчас дома, то, наверное, принесет.

– Позвоните, пожалуйста, я буду очень вам благодарен, – попросил Лев.

Ирина Петровна достала трубку и, потратив минут десять на подробнейшее перечисление шкафчиков, полочек, ящичков, а также разнообразного цвета и фасона папок с бумагами, наконец сообщила, что внучка «сейчас принесет».

Пока Зина несла договор, Гуров успел узнать, что новые квартиранты проживают у Ирины Петровны не так давно, и сегодня она пришла, чтобы забрать плату за третий месяц.

– Правило ведь какое, – поясняла она. – Сначала заплати, потом живи. По-другому никак. Вот я и пришла. А тут вон что. Как теперь квартиру сдавать? У меня ведь никто теперь жить не захочет. Легко ли дело, троих человек в квартире убили. Вот тебе и гарантия.

Вскоре Лев услышал, как белокурая Вера вновь направляется к двери, и через минуту в спальне появилась юная девушка, державшая в руках сложенный пополам листок бумаги.

– Этот, бабуль? Ой... здрасте, – смутилась она, заметив Гурова.

– Этот, этот, – подтвердила Ирина Петровна, взглянув на листок. – Спасибо, Зинуша. Ступай домой, я скоро приду.

– А что это у вас тут случилось? – поинтересовалась девушка.

– Ничего, ничего. Ступай. Не мешай, нам поговорить нужно. Иди, я скоро приду.

Зина ушла, а Гуров сосредоточился на изучении документа.

Первым делом он обратил внимание на графу «паспортные данные арендатора» и тут же увидел, что его снова поджидает разочарование. В графе были указаны данные только одного жильца, того самого Заура, которого Ирина Петровна опознала в коридоре. Полное имя его было Заур Хайдуллаевич Губашев, и в столицу он приехал из Узбекистана. Хотя эта информация, несомненно, имела определенную ценность и пользу, но полковник надеялся увидеть в договоре данные обоих квартирантов и теперь испытывал некоторую досаду.

– А фамилию второго жильца вы, случайно, не помните? – в слабой надежде на чудо, обратился он к Ирине Петровне.

– Нет, не помню. Я и Заура-то фамилию не помню. На что она мне? Платили они аккуратно, в полицию я на них заявлять не собиралась. Это им фамилии нужны. А мне-то на что? Имена есть, и ладно. Имена их я хорошо помнила. Заур и Юсуф. Так уж и значились они у меня, как говорится, в списке.

«Заур и Юсуф, Заур и Юсуф, – повторял про себя Лев. – Где-то я уже это слышал».

И тут перед глазами возник видеоряд: полумрак квартиры с зашторенными окнами и два худощавых мужчины с серыми тенями на усталых лицах и темными кругами вокруг глаз.

«Репортаж! – мысленно воскликнул он. – Ведь именно так звали героев, которых изображали ребята. Заур и Юсуф. Так что же это получается? Значит, все, что там рассказано, – правда?»

Он вспомнил свой разговор с Неклюдовым, где тот говорил, что, несмотря на то, что Березин не брезговал постановками, полностью «придуманных» репортажей у него не было. В каждом сюжете всегда присутствовали реальные факты.

«Получается, что Березин нарыл кое-какие данные о реальной террористической группировке, но полноценное расследование сделать либо не рискнул, либо просто не смог. Не хватило данных. Щеглов подметил абсолютно верно – кто же будет докладывать на весь свет, что он террорист. Но тема актуальная, и Березин решил по максимуму воспользоваться тем, что есть. Имена ему были известны, а уж люди... люди – это дело наживное. На то и существуют кастинги. Он нашел подходящих по внешности актеров и дальше действовал в точном соответствии со схемой, которую в общих чертах обрисовал тот же Щеглов. Показал реальный дом, где действительно снимали квартиру члены группировки, а потом поехал в Мытищи и записал небольшой видеоспектакль в затененной комнате, который непосвященный зритель должен был принять за интервью с заблудившимися на жизненном пути террористами».

Первоначальная и основная версия убийства Евгения Березина вновь становилась актуальной. Гуров припомнил, что в репортаже, кроме имен рядовых членов, упоминалось и имя

«куратора», и теперь не сомневался, что оно тоже было вполне реальным, а вовсе не выдуман-ным «для колорита». Если журналист действительно «рассекретил» данные, которые террори-сты хотели бы скрыть, мотив его убийства очевиден. Какому же главарю шайки понравится, если ему начнут «перемывать» кости в популярных телевизионных программах?

Но вот что спровоцировало резню внутри этой отдельно взятой «ячейки»? На этот инте-ресный вопрос ответа у полковника не было.

– Ирина Петровна, мне необходима будет ваша помощь, – обратился он к собеседнице, вновь погрузившейся в невеселые думы.

– Да? А что нужно? – рассеянно спросила она.

– Нужно набраться мужества и постараться опознать убитых.

– Ой, что вы! Нет! Я не смогу! Я теперь еще год не смогу войти туда!

– Ирина Петровна, нам очень важно установить личности этих людей. Возможно, они являются участниками крупной бандитской группировки, и кто из них кто, можете сейчас ска-зать только вы.

– Нет... Я не смогу.

– Ирина Петровна! Вы взрослый человек, прожили большую жизнь. Наверняка вам дово-дилось видеть неприятные вещи. Нужно просто сосредоточиться и взять себя в руки. Вы ока-жете неоценимую пользу следствию.

– Неприятные – да, но такого... Нет. Я не смогу.

Еще минут двадцать Гурову пришлось терпеливо и настойчиво уговаривать перепуган-ную женщину, прежде чем она согласилась снова войти в свою залитую кровью квартиру. Но в итоге оказалось, что все жертвы напрасны.

Ирина Петровна не смогла опознать ни человека, сидевшего на диване, ни того, кто лежал на полу в кухне.

– Нет. Нет, не знаю, – вздрагивая то ли от страха, то ли от отвращения, отрывисто бросала она. – Этих не знаю.

– Посмотрите внимательно, – настаивал Лев. – Здесь точно нет Юсуфа?

– Нет. Это кто-то совсем другой. Я их не знаю. Может, знакомые его. Юсуф, он невысо-кий, плотненький такой. И лицо у него круглое. И бороду он не носит. А эти длинные да худые. И волосатые все. Нет. Этих не знаю.

Заботливо проводив Ирину Петровну в знакомую уже спальню, он начал опрос соседей, благо не нужно было далеко ходить.

– Вы слышали что-то необычное в эти два дня? – пройдя на кухню, обратился он к Вере. – Шум, перепалку, громкий разговор?

– Нет, все было тихо. У них вообще было тихо. Утром уходили, вечером приходили. Работали где-то, наверное. Иногда телевизор было слышно. А так... ничего необычного.

– И в эти выходные тоже?

– Да, и в эти тоже. К ним иногда приходил кто-то. Гости. Слышно было, как хлопает дверь. По выходным они утром не уходили, поэтому я замечала. У нас, как видите, кухня близко к входной двери, а я всегда на кухне. И в эту субботу кто-то пришел. Разговаривали, смотрели телевизор.

– А время вы, случайно, не запомнили? – с надеждой спросил Гуров, обрадованный, что в лице Веры неожиданно обрел источник очень полезной информации.

– Где-то после трех. Во второй половине дня. Мы как раз пообедали, я помыла посуду и начала печь блинчики. Хотела своих побаловать вечером. И вот тогда и услышала, как хлоп-нула дверь. А потом голоса, телевизор. У нас тут довольно хорошая слышимость. Иногда это очень мешает.

– Понимаю вас, – с сочувствием проговорил полковник. – Но, если я правильно понял, в субботу все звуки были мирные? Криков, скандалов, выяснения отношений – ничего такого не было?

– Нет. Такого не было. У них вообще было тихо.

– А вы не заметили, долго работал телевизор?

– Да, долго, – немного подумав, как бы вспоминая, ответила Вера. – Я уже все приготовила и посуду после ужина перемыла, а он все работал. Часов до девяти, наверное. Может быть, и дольше. Я из кухни ушла, а из комнаты уже не слышно, что у них там делается.

– А дверь больше не хлопала?

– Кажется, нет, по крайней мере, я не заметила. Может, они просто поздно ушли, а может, и ночевать остались. Хотя... что это я, – сама себя перебила она. – Они, наверное, к тому времени... Может, они просто уже мертвы были? Какой ужас! А мы тут... блинчики едим, мультики смотрим. Какой ужас!..

– А в воскресенье вы уже не слышали звуков телевизора?

– Нет. В воскресенье все было тихо. И двери не хлопали, и телевизор не работал. Видимо, к тому времени они уже... Какой ужас!

Квартира, которую сдавала Ирина Петровна, была крайней от лестницы, поэтому соседи по площадке у нее имелись только с одной стороны.

Поговорив с Верой, Лев решил опросить нижних жильцов. Если в доме действительно была «хорошая слышимость», как сказала Вера, соседи со второго этажа наверняка должны были слышать какие-то звуки сверху.

Он спустился вниз и, позвонив в дверь, довольно долго ждал ответной реакции. Уже хотел уйти, подумав, что дома никого нет, когда из-за двери послышался старческий голос, заинтересовавшийся: «Кто там?» – и чей-то любопытный глаз прильнул к «глазку».

– Откройте, пожалуйста, я из полиции, – ответил Гуров, поднося к «глазку» удостоверение. – В вашем подъезде произошло чрезвычайное происшествие, мы опрашиваем жильцов.

– Происшествие? Какое происшествие? – Человек, стоявший за дверью, по-видимому, изучал удостоверение. – Я ничего не знаю.

– Откройте, пожалуйста. Мне нужно задать вам всего несколько вопросов.

Еще немного понаблюдав за Гуровым в «глазок», недоверчивый собеседник все-таки открыл дверь. Это был пожилой мужчина в спортивных штанах и майке. Он, как и все прочие, с кем разговаривал Лев, с неподдельным интересом разглядывал его, как будто еще никогда в жизни ему не приходилось встречаться с подобной человеческой особью.

«Чего это они меня так рассматривают? – недоумевал Гуров. – Ни разу не видели живого полицейского? Или, может быть, слово «полковник» их так смущает?»

– Добрый день, – вежливо поздоровался он. – Вы постоянно проживаете в этой квартире?

– Я? Да, постоянно. Конечно, постоянно. Где же мне еще проживать?

– Хорошо. Верхние жильцы не беспокоят вас? Топот, громкие звуки, скандалы? Не бывает чего-то подобного?

– Верхние? Когда как. Она ее сдает, эту квартиру. Хозяйка. Так что бывает по-разному. Когда и тихие жильцы, а когда и... беспокоят.

– А в последнее время?

– В последнее время ничего, тихие. Таджикив каких-то пустила. Или узбеков. Не разберешь их, все на одно лицо.

– В эти выходные вас тоже не беспокоили? Шумные гости, музыка?

– Нет, ничего особенного. Кто-то, наверное, приходил к ним, топали уж больно. Как стадо слонов. Сразу понятно, что много народу. Но музыки не было. Телевизор только долго работал. Но мне это без разницы. Я и сам телевизор люблю смотреть.

– Вы встречались с верхними жильцами? Сможете опознать их, если увидите?

– Встречал пару раз. Когда в магазин ходил. Вообще я редко выхожу. Хлеба купить или еще чего там. Иногда вижу – кто-то из соседей идет. Здравуемся. Вот и эти тоже. На лестнице обогнали меня. Пакеты какие-то несли, у каждого обе руки заняты. Не знаю, что там было. Может, тоже продукты. Их два лба здоровенных, надо же им что-то есть. Я как раз по лестнице поднимался. А они следом. Догнали меня, глазами зыркнули и дальше пошли. Не поздоровались даже. А что они сделали? Украли чего-нибудь? Да? Такие запросто украдут, только положи плохо.

Рассказ пожилого мужчины полностью подтверждал предварительные выводы, сделанные полковником в результате осмотра квартиры и предыдущих опросов.

Похоже, Заур и Юсуф действительно жили очень «аккуратно», если даже у нижнего соседа нет к ним претензий. Впрочем, если они и впрямь были членами экстремистской группировки, это неудивительно. Зачем привлекать к себе ненужное внимание? Жили тихо-мирно, «утром уходили, вечером приходили». «Где-то работали», хозяйке платили вовремя. Все цивилично и «правильно». Без проблем. Даже когда приходили «гости», никто не включал музыку. Праздновали под аккомпанемент телевизора.

Кроме того, показания нижнего соседа подтвердили еще один важный вывод: то, что убийца, так ловко резавший глотки, действительно был настоящим мастером своего дела.

Гуров был почти уверен, что все главное произошло в квартире в то время, когда работал телевизор, то есть вечером, в субботу. И тот факт, что никто из соседей, кроме невнятного бормотания дикторов из-за стены, не услышал больше ни единого звука, красноречиво свидетельствовал о том, что все жертвы были отправлены на тот свет мгновенно и бесшумно.

Поблагодарив пожилого мужчину за содействие, он поднялся на четвертый этаж.

Но верхние жильцы не слышали вообще ничего. В квартире проживала молодая пара, и еще до того, как ему открыли дверь, Гуров уловил доносившиеся из-за двери звуки веселой музыки.

«Да, этим, пожалуй, ни до кого, – подумал он, как только увидел улыбчивую молодую девушку и вышедшего следом за ней в коридор парня. – Наверняка никого и ничего не слышат, кроме себя».

Так и оказалось.

Из краткой беседы Лев узнал, что в выходные к парочке приходили друзья, что они отлично провели время и что своих нижних соседей они ни разу не видели в глаза.

Закончив опрос соседей, он снова вернулся в квартиру, где оперативная группа уже заканчивала свою работу.

Глава 5

– Ну что, ребята, нарыли что-нибудь интересное? – поинтересовался Гуров, перебираясь через лежавший в коридоре труп.

– Смотрите сами, – ответил ему молодой парень, тот самый, с которым он разговаривал в первый свой заход.

На полу в кухне, выложенные в ряд, вероятно, для удобства фотографирования, лежали некие подозрительные запчасти, очень напоминавшие детали для изготовления самодельного взрывного устройства.

– Надо же, как интересно! И где это обнаружили?

– В кухонном столе. Такая вот «пищевая добавка». Еще тротил, несколько шашек. Это уж спрятали. Правда, не очень далеко. Под ванной нашли, был упакован в несколько слоев полиэтилена.

– Неплохо. Похоже, ребята не теряли даром времени в свои законные выходные.

– Похоже. Упаковка вскрыта. Может быть, раньше брали, а может, убийца прихватил с собой пару-тройку на память.

– Очень интересно, – повторил Лев.

Находка оперативников развеяла его последние сомнения в том, что квартиранты Ирины Петровны действительно входили в некую террористическую группировку.

Репортаж Евгения Березина не был постановочным, и в нем на самом деле содержалась информация о том, как можно вычислить местонахождение террористов. Для «заказа» причина более чем достаточная.

«Кроме Заура, одного из своих квартирантов, хозяйка больше никого не опознала, – размышлял он. – Значит, остальные двое – те самые пришлые «гости». Тогда получается, что ловкач, так умело орудующий ножом, – Юсуф, второй квартирант. Больше никому. Он – убийца Березина, и он же – человек, прикончивший тех, кто ему это убийство, возможно, и «заказал». Кто эти двое ребят? В репортаже актеры, изображающие террористов, рассказывали о некоем «кураторе», который их регулярно навещал на съемной квартире. Если информация «взята из жизни», вполне возможно, один из убитых – этот «куратор» и есть».

Но мотив убийства так и оставался неясным. Если с «куратором» ситуацию еще можно было как-то объяснить, он мог, например, не расплатиться или обмануть при расчетах, то за что Юсуф прикончил друга, с которым делил кров, было абсолютно непонятно. Хотя, с другой стороны, неизвестно, насколько они были дружны. Может, для убийцы это был человек достаточно посторонний, и он просто хотел убрать свидетеля.

Так или иначе, убедившись, что преступники и жертвы связаны с террористическими группировками, Гуров решил навести справки в соответствующем ведомстве. У него были некие негласные знакомства в департаменте по борьбе с терроризмом, и сейчас был один из тех нечестных случаев, когда он считал нужным задействовать эти связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.